

ЕВГЕНИЙ МАР

ЧАСОВЫЕ КРЕМЛЯ

ДЕТГИЗ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЕВГЕНИЙ МАР

ЧАСОВЫЕ КРЕМЯ

РАССКАЗЫ О В.И.ЛЕНИНЕ

РИСУНКИ
И. ИЛЬИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1963

Цифровка
dominas
2017

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Перед вами книга рассказов о Владимире Ильиче Ленине. В основу их легли воспоминания курсантов кремлёвских пулемётных курсов.

Эти люди долгие годы несли охрану Кремля. Они стояли на посту № 27 у квартиры Ленина.

Коротки были встречи часовых с Владимиром Ильичём. Немногословны беседы где-нибудь на ходу, когда Владимир Ильич шёл в свой кабинет или возвращался оттуда, но память кремлёвских часовых сохранила столь дорогое для нас о встречах с Лениным.

Автор приносит благодарность бывшим курсантам кремлёвских пулемётных курсов: М. П. Ерёмину, оказавшему большую помощь в сборе материалов для книги, а также С. В. Алексееву, Е. Я. Барской, А. А. Булычёву, П. Н. Глазову, Ф. И. Киселёву, Ф. И. Суворову, В. И. Макарову, П. Н. Федотову, И. Д. Шмелёву, Ф. И. Шорихину и многим другим товарищам, по воспоминаниям которых создавались эти рассказы.

ОФОРМЛЕНИЕ

Н. КРЫЛОВА

ДОРОГА В КРЕМЛЬ

Кто, приехав в Москву, не мечтает попасть на Красную площадь! Мостовая там серо-сизая, как крылья голубей, что прогуливаются у самого подножия Исторического музея. Хочешь, кинь им горсть семян и шагай дальше, смотри, как сменяется караул у Мавзолея и, печатая шаг, идут на пост часовые Кремля.

А вот и Спасские ворота. На Спасской башне — главные часы Советского государства, кремлёвские куранты. Это под их перезвон сменяется караул. Это их бой слышит страна — утром, когда советская земля только просыпается, и в полночь, когда люди отходят ко сну.

Минуем ворота.

Мы в Кремле.

Как много здесь замечательного, интересного!

Хочется и на Царь-пушку посмотреть, и к Царь-колоколу рукой притронуться, и на колокольню Иван Великий взглянуть. Какая высоченная!

Но что это?

На старых кремлёвских стенах то тут, то там видны заплаты. Новые кирпичи сразу заметишь: они светлее.

Эти стены не раз были повреждены пулями и осколками снарядов. И вот теперь их бережно залатали. Следы на стенах говорят о боевом прошлом Кремля.

В Кремле, как и на улицах Москвы, в октябре 1917 года шли бои за власть Советов. Вот и памятная доска. Читаем имена защитников Кремля, расстрелянных белогвардейцами. Постоим минуту в молчании.

Может быть, среди тех, кто идёт сейчас с нами по Кремлю, есть бывшие солдаты Кремлёвского гарнизона? Они-то наверное помнят, каким был Кремль в те дни.

А иные, быть может, видели Владимира Ильича Ленина, даже беседовали с ним. . .

Мы заметили группу немолодых людей. Нет, они не похожи на обычных гостей Кремля. Казалось, всё здесь им давно знакомо.

— Ну конечно, вот окна нашей роты! . . — воскликнул один из них.

— А здесь когда-то стояла будка часового! — заметил другой.

То и дело вспоминая прошлое, они перебивали друг друга, словно давние одноклассники.

Это и в самом деле были товарищи по кремлёвским пулёмётным курсам, те, что несли охрану Кремля.

Иным выглядел Кремль в те далёкие дни, о которых вспоминали кремлёвские часовые.

ТАК БЫЛО

Одиннадцатого марта 1918 года — через четыре месяца после освобождения Кремля от белогвардейцев — из Петрограда в Москву переехало Советское правительство.

Газета «Правда» известила тогда всех граждан, что «Совет Народных Комиссаров начал свою работу в здании Судебных установлений.

Приём от 10 до 4».

Приводился номер телефона, по которому следовало звонить для справок. Сними трубку, назови номер, и тебе ответят: «Кремль слушает».

Всего несколько строк — и не только наша страна, а и весь мир узнал о том, что столицей Советской республики отныне стала Москва.

Охрану Московского Кремля несли вначале славные латышские стрелки. Они с первых дней советской власти охраняли в Петрограде Смольный, а затем и поезд, в котором Советское правительство переезжало из Петрограда в новую столицу. И вот снова латышские стрелки стоят на посту у ворот Кремля. Им доверена жизнь Владимира Ильича.

На территории Кремля, где находились бывший царский дворец и два монастыря, всё ещё жили дворцовые служащие и монахи.

Первое время рядом с латышским стрелком, который молча накалывал на штык винтовки цветные кремлёвские пропуска, дежурил старичок швейцар. Он знал в лицо всех прежних кремлёвских обитателей.

Зимой у ворот часовые разжигали костры и грелись возле них. А когда смеркалось, часовые не отходили от костров — рассматривали пропуска тут же при свете пламени.

Дров не хватало. В костры бросали всё, что было ненужно: остатки старых ларей, лабазов и полуразвалившихся мелких лавчонок, которыми была застроена Красная площадь.

Иногда можно было видеть, как дотлевали в огне вместе с золочёным кренделем какой-нибудь булочной деревянные буквы вывески: «Хлеб, булки, пирожные».

В Кремле всё носило следы недавних боёв. Многие здания сильно пострадали от артиллерийского огня. Четыре снаряда попали прямо в Спасскую башню.

Молчали кремлёвские куранты.

Автомобилей в Москве тогда было мало. И всё это разные «Мерседесы», «Бенцы», «Паккарды», очень похожие на старинные кареты. Но случалось и так, что посетители въезжали в Кремль и на обычной извозчицкой пролётке. Гулко гремели колёса по булыжникам Красной площади.

Время было тревожное.

Враги советской власти — белые офицеры, фабриканты, купцы — готовили восстания, хотели убить Владимира Ильича и других членов правительства.

Часовым Кремля, свободным от караульной службы, приходилось участвовать в облавах, уничтожать банды белогвардейцев.

В Кремле были посты и у ворот, и даже на широкой кремлёвской стене, и по ней прохаживались часовые, зорко посматривая вокруг.

Много караульных постов в Кремле, но пост № 27 у квартиры Ленина самый почётный и самый ответственный.

Ленин и его семья занимали четыре небольшие комнаты на третьем этаже здания, где разместился Совет Народных Комиссаров. Неширокий коридор отделял квартиру Владимира Ильича от его служебного кабинета.

Первое время весь этот коридор был уставлен телеграфными аппаратами. Он походил на штаб.

И ещё утром по дороге в кабинет Владимир Ильич узнавал о положении в стране прямо с телеграфной ленты. Иногда он задерживался в коридоре и вёл переговоры по прямому проводу с командующими фронтами.

Вот здесь-то, в коридоре у входа в квартиру Ленина, и стоял часовой поста № 27.

Часовой не имел права отвлекаться посторонними делами и, уж конечно, вступать с кем-либо в разговоры.

Только один человек мог беседовать с часовыми — Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин.

И Владимир Ильич часто пользовался этим правом и по дороге в кабинет задерживался минуту-другую у поста, чтобы поговорить с часовым — латышским стрелком. Он знал, что они рвутся на фронт, мечтают освободить свою родную Латвию от захватчиков.

— Латвия обязательно будет советской. . . Поверьте мне, обязательно будет! И вы ещё поживёте в советской Латвии и детей и внуков вырастите, — сказал как-то Владимир Ильич часовому-латышу.

Латышские стрелки вскоре отправились на фронт, а им на смену пришли курсанты московских пулемётных курсов.

Латышские стрелки храбро дрались на фронте гражданской войны. Не близок был путь на родину самых первых часовых Кремля. И всё же ленинские слова сбылись. Латвия стала одной из пятнадцати братских республик великой Страны Советов, а бывшие латышские стрелки, кремлёвские часовые, их дети и внуки — гражданами советской Латвии.

РАНЕНИЕ

Но пока шёл полный тревог 1918 год.

Тридцатого августа на посту № 27 стоял латышский стрелок. Вот уже несколько часов Владимира Ильича не было ни в квартире, ни в кабинете. Это волновало часового.

Обстановка в Москве была беспокойная. Накануне в Петрограде враги убили видного деятеля партии Урицкого. Опасаясь за жизнь Владимира Ильича Ленина, близкие и друзья советовали ему побережиться, не покидать Кремль в эти дни.

Однако Владимир Ильич дорожил каждой встречей с рабочими. И 30 августа он поехал в Басманный район, затем в Замоскворечье, на завод Михельсона.

После митинга Ленин простился с рабочими и пошёл к поджидавшей его машине. Шофёр Гиль уже завёл мотор.

Какой-то человек, одетый в форму матроса, встал у выхода, расставил руки, чтобы задержать людей, которые провожали Ленина. Рабочие думали, что этот человек охраняет Ильича, и послушно остановились.

На какое-то мгновение Ленин остался один.

К Владимиру Ильичу подошли две женщины и стали с ним разговаривать. И в то же время, один за другим, раздалось несколько выстрелов. Ленин упал.

Шофёр Гиль заметил третью худую высокую женщину, стоявшую поодаль.

Это она стреляла в Ленина и, бросив оружие, побежала.

Гиль нагнулся к лежащему на земле Ленину. Поднял Владимира Ильича и бережно усадил в машину. Ему помогали рабочие, члены заводского комитета завода Михельсона и работник военного комиссариата, который присутствовал на митинге.

Ленин был в сознании и сказал:

— Домой, домой! . .

Когда машина приехала в Кремль, Владимир Ильич сам поднялся по крутой лестнице на третий этаж.

В квартире уже были близкие Ленина. Прибежал комендант Кремля Мальков. Пришли народные комиссары. Ведь как раз в это время должно было начаться заседание Совета Народных Комиссаров под председательством Владимира Ильича.

Обычно плотно прикрытая дверь в квартиру Ленина была на этот раз раскрыта настежь. Перед дверью на посту стоял латышский стрелок. Крепко, до боли в руках, сжимал он винтовку.

Врачи осмотрели Ленина. Он был ранен двумя пулями в левое плечо: одна из них задела верхушку лёгкого и прошла в шею. Как оказалось потом, пули были отравлены ядом. Они

имели надрезанные головки и должны были разорваться, если бы попали в кость.

Стреляла в Ленина Фанни Каплан. Партия эсеров поручила ей убить Ленина.

Эта партия хотела свергнуть Советское правительство и восстановить в стране власть помещиков и кулаков, заводчиков и фабрикантов.

Каплан пыталась скрыться, но её задержали у трамвайной остановки.

Первыми опознали злодейку заводские ребята, дети рабочих. Они и помогли рабочим поймать преступницу.

— Вот она! — закричали ребята и показали на Каплан.

Каплан была тут же арестована. И вскоре приговорена к расстрелу.

Был арестован и её пособник, который задержал рабочих у входа.

Третья пуля, направленная в Ленина, оказывается, ранила в грудь и руку одну из женщин, которая беседовала с Владимиром Ильичём после его выступления на митинге. Это была Мария Григорьевна Попова, сестра-хозяйка из соседней больницы.

По распоряжению Ленина Марию Григорьевну лечил тот же врач, который лечил его самого. Владимир Ильич постоянно интересовался состоянием здоровья Поповой.

Через много лет Мария Григорьевна писала о пережитом:

«Я счастлива, что смогла своим телом загородить Владимира Ильича хоть от одной пули».

Тяжело переживали ранение Ленина часовые Кремля — латышские стрелки.

Зато как радовались эти обычно сдержанные, молчаливые люди, когда здоровье Ленина пошло на поправку!

Часовые обычно узнавали о состоянии Ленина ещё в караульном помещении.

Сменится часовой, а товарищи к нему с вопросами:

— Ну, как Владимир Ильич? Как его самочувствие? Температура? . .

И облегчённо вздыхали, узнав, что Владимиру Ильичу лучше, что ему разрешено читать и вставать с постели.

И вот наконец наступил радостный день, когда часовой на посту № 27 снова услышал знакомый голос Ленина:

— Здравствуйте, товарищ стрелок!

И, волнуясь, часовой ответил чуть громче обычного:

— Здравствуйте, товарищ Ленин!

ПРО КАРТОШКУ

Когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в эмиграции, за границей, они шутя называли себя «прогулистами». Это в отличие от тех, кто предпочитал отдыхать дома.

Ленин любил прогулки. И в Кремле, занятый допоздна делами, старался хотя бы немного погулять, подышать свежим воздухом. Ходил он чаще всего один. И только изредка его сопровождали Надежда Константиновна, Мария Ильинична или кто-нибудь из друзей.

Ленин гулял по Кремлю, а несколько раз даже поднимался на кремлёвскую стену. Она такая широкая, что по ней кое-где может проехать грузовик или пройти взвод солдат.

Отсюда Владимир Ильич любовался лежащей внизу Москвой. Город был виден далеко.

Тихо было в кремлёвском Тайницком саду, куда частенько захаживал Владимир Ильич. Это был старый, запущенный сад. Росли там липы и ясени. А по утрам пел соловей.

Изредка можно было увидеть в саду и вальдшнепов. Эти птицы отдыхали там, когда летели на юг.

Владимир Ильич стоял не шевелясь, боялся спугнуть крылатых гостей Кремля. Постоит Ильич, послушает птичьи разговоры и зашагает дальше.

Жители Кремля старались не мешать Владимиру Ильичу в эти недолгие минуты отдыха.

Как-то во время прогулки Владимир Ильич встретил солдата, который шёл с котелком в руках.

Солдат увидел Ильича, смутился, спрятал котелок за спину и хотел было свернуть с дороги. А Владимир Ильич остановил его и лукаво спросил:

— Это что там у вас за спиной?

— Картошка, — ответил тот простодушно.

От котелка аппетитно пахло дымком.

Солдат, это был Иван Шмелёв, накануне был в городе, раздобыл где-то несколько картофелин, сварил их и шёл теперь в казарму, чтобы поужинать. И вот встретил Ленина.

— Картошка, говорите? Отличнейший продукт. Никогда не надоедает. Я вот тоже в молодости любил печь в золе картошку и ел без хлеба, только с солью. Вкусно!

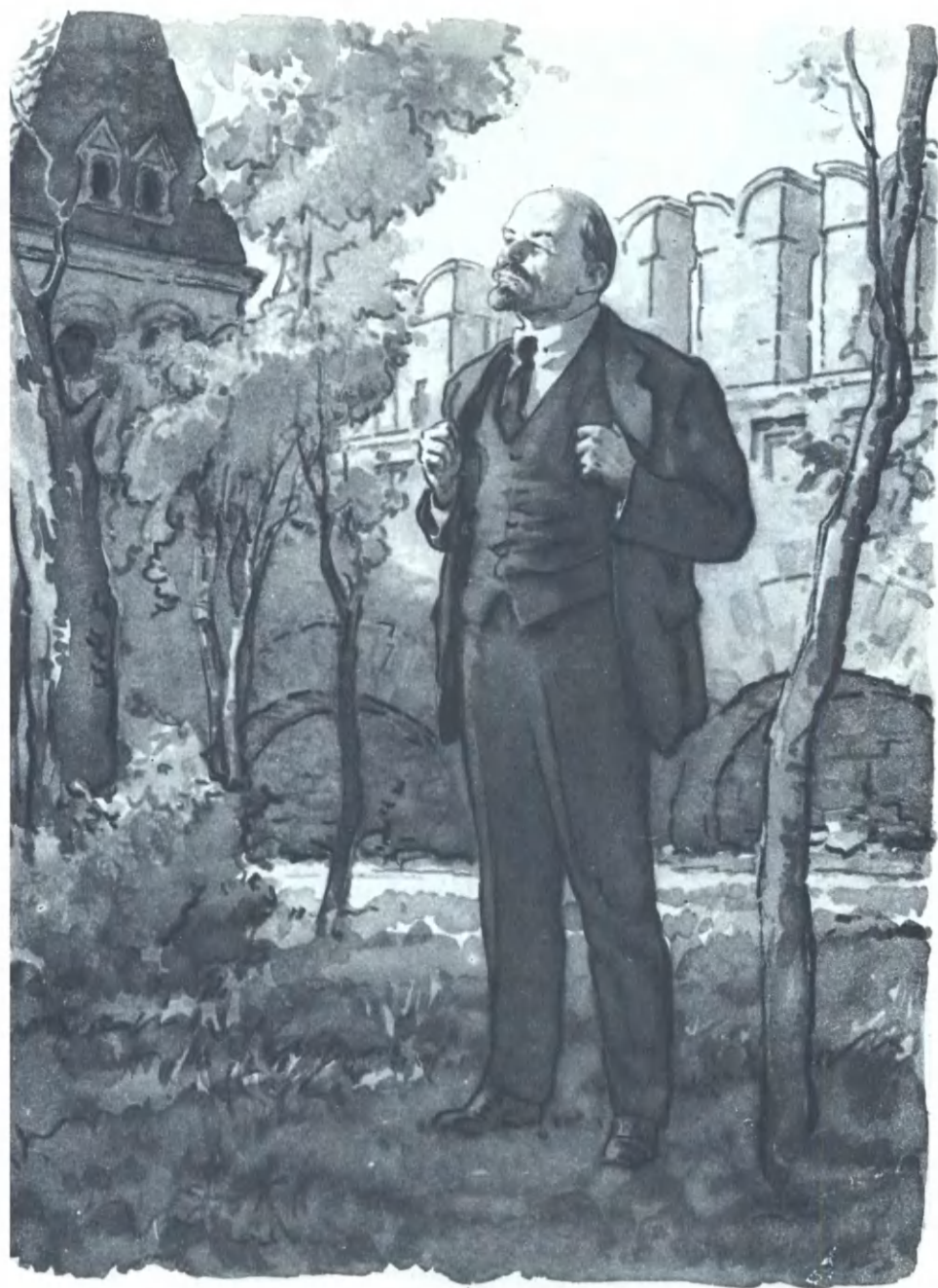
И простился, пожелав Шмелёву хорошего аппетита.

А тот пришёл в казарму расстроенный и рассказал о встрече товарищам:

— Вот ведь, оказывается, Ильич тоже любит картошку. А я-то растерялся, — сетовал он, — не предложил Ильичу отведать картошки из солдатского котелка. Эх, не сообразил!

С той поры прошло много лет. Тайницкий сад, где солдат Шмелёв встретил Ленина, разросся. Вы увидите рядом с древними липами молоденькие яблони и сливы.

По-прежнему в саду поёт соловей, как в те дни, когда здесь гулял Ленин.

КОГДА ВНОВЬ ЗАИГРАЛИ КУРАНТЫ

Постепенно Кремль приводили в порядок. Ремонтировались разрушенные во время октябрьских боёв здания. Расчищались от всякого хлама дорожки.

И только куранты Кремля на Спасской башне, «раненные» во время октябрьских боёв, всё ещё молчали.

А «ранение» у них было нелёгкое.

Часовые стрёлки были перебиты осколками снаряда, вал согнут, шестерёнки разбиты. Позолоченный маятник куда-то исчез. Его утащили вору, думая, что он золотой.

Враги утверждали, что никогда не пойдут часы на Спасской башне Кремля.

Вот уже четвёртый век, как они высятся на этой десятиэтажной башне, а теперь остановились. Вместе с часами, утверждали враги молодой Советской республики, остановилась и

сама жизнь. Белые всё ещё надеялись на то, что к власти снова придут капиталисты и помещики, и тогда, как в прежние времена, кремлёвские куранты заиграют царский гимн.

Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин распорядился привести в порядок часы на Спасской башне, заставить куранты Кремля играть новую, революционную музыку.

В газетах было дано объявление: все, кто знает часовое дело, приглашались в Кремль для осмотра Спасских часов.

На Спасской башне побывало много мастеров.

Но часовщики всю жизнь имели дело с часами, которые носят в кармане или на руке, или с теми, что висят на стене. А тут один механизм занимал три из десяти этажей Спасской башни.

Смотрели часовых дел мастера на циферблат высотой с двухэтажный дом, на стрелки, каждая из которых, пожалуй, высотой с этаж, и разводили руками.

Нет, это им несподручно!

Всё же нашёлся в Кремле простой рабочий, даже не часовщик, а слесарь, Николай Васильевич Беренс. Его отец когда-то ремонтировал часы на Спасской башне, и сын многое помнил из рассказов отца. Он и вызвался помочь беде.

Слесарь Беренс быстро привёл часовой механизм в порядок. Но как заставить куранты играть, да ещё новый мотив?

Тут требовался человек, знающий музыку. Им и оказался в будущем известный художник, а в то время ещё студент Михаил Черемных, не только мастер пера и кисти, но и большой знаток и любитель музыки.

С помощью одного из молодых слесарей Кремля он заставил куранты отбивать каждую четверть часа, каждый час и четыре раза в сутки исполнять партийный гимн «Интернационал».

Осенью 1918 года, незадолго до первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, куранты Кремля после долгого молчания наконец заговорили.

Свободные от нарядов и занятий латышские стрелки гурьбой высыпали на площадь послушать бой часов.

Беренс, находившийся внизу, у самого подножия башни, взмахнул платком. Это он подал знак своему помощнику, глядевшему в окошечко Спасской башни, пустить в ход механизм часов.

Приказ Ленина был выполнен. Часы пошли, заговорили.

А 7 ноября 1919 года ровно в 12 часов ночи вся Москва слушала, как куранты Спасской башни заиграли «Интернационал».

Мало кто спал в эти минуты. Все находящиеся на Красной площади замерли по команде «смирно». Штатские сняли шляпы и кепки, а военные приложили руку к козырьку.

Открыв окно своего кабинета, слушал игру курантов и Владимир Ильич Ленин. Он назвал куранты Кремля главными часами Советского государства.

С той поры, вот уже много-много лет, часы на Спасской башне показывают время всей стране.

ПОСТ ПРИНЯТ

Почти в канун нового, 1919 года на пост № 27 и другие посты по охране Кремля встали курсанты московских пулемётных курсов, будущие командиры Красной Армии. Они сменили латышских стрелков, уходящих на фронт.

Молодцеватые, все как на подбор, курсанты пулемётных курсов по утрам шагали из своих казарм в Кремль.

И москвичи останавливались, слушая их стройное пение, любовались отличной выправкой.

— Вот она, наша Красная Армия! — говорили они.

— Таким враги не страшны! . . Эти отстоят республику! . .

Вскоре курсанты-пулемётчики из казарм, расположенных в разных концах Москвы, были переведены в Кремль.

Несли караул, занимались политграмотой, учились военным наукам. Будущие красные командиры должны были во

всём показывать пример красноармейцам, стать образованными в военном деле людьми.

Дружески встретил Владимир Ильич первого курсанта, принявшего у латышского стрелка пост № 27, поздравил его с наступающим Новым годом и пожелал хорошей учёбы.

— Благодарю, — ответил часовой и, чуть отведя винтовку в сторону, по-военному приветствовал товарища Ленина.

Это был ещё совсем молоденький паренёк. И Владимир Ильич с интересом начал расспрашивать часового — откуда он родом, успел ли повоевать, кто его родители.

Курсант говорит:

— Извините, Владимир Ильич, но отвечать на вопросы не могу. Часовому по уставу не положено разговаривать.

Курсант — будущий командир — хотел соблюсти устав.

Владимир Ильич улыбнулся, прошёл в свой кабинет и позвонил коменданту Кремля.

Он попросил коменданта, если возможно, разъяснить часовым-курсантам, что они должны отвечать на его вопросы, как прежде латышские стрелки. Ленин очень дорожил этими короткими беседами с молодыми солдатами Красной Армии.

И комендант тут же дал указание часовым отвечать на любые вопросы Председателя Совета Народных Комиссаров.

Владимир Ильич, отправляясь по утрам в свой кабинет, по-прежнему останавливался возле часового, чтобы перемолвиться с ним несколькими словами.

Ленин спрашивал курсантов о том, как живёт народ, и курсанты рассказывали Ленину всё, что знали, без утайки.

Каждое слово, сказанное Владимиром Ильичём курсанту, оставалось в памяти. Он обязательно напишет о своём разговоре с Лениным в письме, которое пошлёт домой. А письмо станут читать вслух, оно будет переходить из избы в избу, попадёт на фронт, где сражается брат или отец курсанта.

НЕ ПО УСТАВУ

Как-то шёл Владимир Ильич мимо часового и обратил внимание, что тот бледен, едва стоит. Это был курсант Алексей Булычёв.

Накануне он вместе с другими курсантами, свободными от караула, ездил в лес за дровами и не сумел как следует отдохнуть, да и не поел досыта.

Питались курсанты неважно: похлёбка да ржаная каша, иногда посыпанная сахаром. К тому же часть своего небольшого пайка будущие красные командиры отдавали сиротам, детям погибших бойцов. Эти ребята жили в детском доме.

Курсанты знали, что и Владимир Ильич питается не лучше.

В казармах Кремля было холодно. Но и в кабинете Ильича было не теплее, чем в казарме. Приложишь руку к изразцам печки — ладонь остаётся холодной.

Часовые старались даже виду не показать, что испытывают невзгоды.

Стоит часовой на посту, дом вспоминает, и под ложечкой сосёт—есть хочется. А услышит шаги Владимира Ильича, вытянется в струнку и скажет как можно веселее:

— Здравствуйте, Владимир Ильич.

Так сделал и Булычёв.

Владимир Ильич остановился и спросил курсанта:

— Что с вами? Вы больны?

Булычёв ответил ему как ни в чём не бывало:

— Спасибо, Владимир Ильич, ничего, это я так. . .

— Как это — так? — уже строго сказал Ленин курсанту.

Владимир Ильич пошёл в кабинет и тут же вернулся со стулом в руках. Поставил стул возле часового и распорядился:

— Садитесь. Вы очень плохо выглядите!

Булычёв растерялся.

— Владимир Ильич, — взмолился он, — часовой на посту не имеет права сидеть. Даже разговаривать не имеет права.

Ленин улыбнулся и спокойно объяснил Булычёву:

— Вот вы устав и нарушили — разговариваете со мной.

Принёс кусок чёрного хлеба с повидлом и заставил Булычёва съесть тут же, в его присутствии.

Часовой не смел послушаться Председателя Совета Народных Комиссаров, сел на стул и съел хлеб.

Булычёв доложил о происшедшем караульному начальнику и ждал наказания за нарушение устава.

Караульный начальник, который отлично знал устав, успокоил курсанта:

— Считайте, что никакого нарушения не произошло: вы лишь выполнили указание Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина. А выполнять указания Ленина, — добавил караульный начальник, — обязан каждый.

КУРСАНТ БЫЛ ПРАВ

В первые годы революции Кремль освещался тусклыми газовыми фонарями.

Под вечер приходил фонарщик с шестом, зажигал фонари, а под утро гасил их.

Но случалось, что не хватало газа, и тогда всё погружалось во тьму.

Нелегко было тёмными ночами охранять Кремль.

Тут любой куст за человека можно принять. Попробуй разберись, когда в трёх шагах ничего не видно. Особенно если ночь безлунная.

Шли как-то двое дозорных по Кремлю. Тьма кромешная.

И вдруг вдали замелькали тени.

— Стой! Кто идёт? — крикнул старший дозора. И тут же взял винтовку наперевес. — Пропуск!

Один из задержанных, среднего роста, широкий в плечах, в кепке, достал какую-то книжечку:

— Вот пропуск, пожалуйста!

Дозорный взял документ, но было так темно, что не мог разобрать ни строчки.

Курсант предложил пройти в караульное помещение для выяснения личности. Задержанные не огорчились и, о чём-то оживлённо беседуя, зашагали рядом с дозорными.

Открыв дверь в караульное помещение, старший дозора громко отрапортовал:

— Товарищ карнач (так сокращённо называли начальника караула), эти граждане задержаны на территории Кремля. Прошу проверить документы.

На лице начальника караула не строгость, а смущение. Вместо того чтобы потребовать документы, он говорит виновато:

— Здравствуйте, Владимир Ильич! Извините, что курсанты не узнали вас.

— Это вы напрасно, — заступился Ленин за курсантов. — Товарищи совершенно правильно поступили. Действительно, не видно ни зги.

В эту минуту снова загорелись газовые фонари. Владимир Ильич простился с караульными и, отказавшись от провожающего, вместе со своим спутником как ни в чём не бывало отправился домой.

Но после этого случая комендант Кремля раздобыл свечи из старых, ещё монастырских запасов. И теперь на каждом посту была свечка, на случай, если погаснет газ или электричество.

Владимир Ильич, который сам не курил, носил при себе коробку спичек. Поздоровается с часовым и, если понадобится, зажжёт спичку и посветит ею над пропуском так, чтобы было видно всё до строчки.

И только показав пропуск, пройдёт дальше.

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Владимир Ильич часто спрашивал часовых:
— Что пишут из дому?

Спросит и задержится на минутку, чтобы выслушать короткий рассказ о деревенских или заводских новостях.

Слушает, чуть наклонив голову, и согласно кивает:

— Так, так. Интересно! Очень интересно!

Если курсант расскажет что-нибудь весёлое, Ильич расхохочется звонко, заразительно. И под конец строго спросит:

— Матушке пишете? Смотрите не забывайте писать матери.

И в ту же ночь в казарме, а то и в караульном помещении курсант засядет за письмо в деревню, упомянет, что пишет это письмецо по прямому наказу Ильича.

И обязательно пошлёт от Ленина поклон всем домашним.

Конвертов в то время не было, да и бумаги не хватало. Склеит курсант треугольничком листок из старой тетрадки, напишет адрес, а наверху добавит: «красноармейское».

Дойдёт письмо точно по адресу, без всяких марок.

Невесёлое известие получил однажды курсант Пётр Глазов. Сестра сообщала ему, что в ларе не осталось и горсти муки. У младших братьев — Вани и Миши — с голоду начали пухнуть ноги.

«Наверное, скоро помрут», — писала сестра.

Прочёл письмо курсант и решил рассказать о своём горе Владимиру Ильичу.

Ждать случая пришлось недолго.

Из здания Совета Народных Комиссаров вышел Ленин, с кем-то оживлённо беседуя.

Курсант подождал, пока Ленин окончит разговор, и, как человек военный, взяв под козырёк, попросил разрешения обратиться.

Владимир Ильич разрешил, а курсант, от волнения не говоря ни слова, передал Ленину письмо из деревни.

Владимир Ильич пробежал письмо, задумался. Видно, и ему стало печально.

— Можете вы оставить мне это письмо? — спросил он курсанта.

— Пожалуйста, Владимир Ильич!

— Тогда напишите на конверте, как вас отыскать, — сказал Ленин.

Глазов вынул карандаш, написал всё, что требовалось, поблагодарил Владимира Ильича и ушёл в казарму.

Через несколько дней командир вызвал Глазова и сказал, что его младшие братья Иван и Михаил направлены в детский дом в Москву, а сестра принята на работу в курсантскую столовую. Она сможет бывать у малышей: им будет веселее.

— Так распорядился Владимир Ильич Ленин,—объяснил командир курсанту.

Вскоре Глазов закончил пулемётные курсы и был направлен на один из фронтов гражданской войны. Он показал себя отважным командиром. А когда подросли его младшие братья Иван и Михаил, то и они стали военными.

Трое братьев Глазовых, в судьбе которых принял участие Владимир Ильич, вместе сражались в Великую Отечественную войну.

Курсант так и не узнал, что Владимир Ильич имел в тот день обстоятельную беседу с Дзержинским о помощи голодающим детям и показывал Феликсу Эдмундовичу его письмо. Ленин заботился о детях всей страны, а не только о младших братьях Глазова.

ХОДОКИ

К Владимиру Ильичу в Кремль часто приходили крестьяне из самых дальних деревень нашей страны. Их называли «ходаками» потому, что многим из них всё ещё приходилось ходить пешком до ближайшей железнодорожной станции, а то и до самой Москвы.

Они проделывали этот путь, чтобы повидаться с Владимиром Ильичём. Одни жаловались на разные обиды и несправедливости. Другие шли в Кремль к Ленину посоветоваться, как лучше поступить с помещичьей землёй, которая им досталась после победы Великой Октябрьской революции.

Первыми встречали ходоков у ворот Кремля часовые — кремлёвские курсанты.

Покажет ходок пропуск и спокойно ждёт: ведь прочитать бумажку кажется ему делом сложным. Сам-то он не силен

в грамоте, а то и вовсе не знает её. Лезет в кисет за самосадам и не торопясь свёртывает сигарку.

Часовой тоже не торопится. Проверит внимательно пропуск и объяснит ходоку, как пройти в приёмную к товарищу Ленину.

При случае ходоки охотно вступали в разговор с курсантами. Кремлёвские курсанты—люди грамотные, да к тому же есть и свои, деревенские, — смогут объяснить многое.

В один из январских дней 1919 года стоял на посту у приёмной Председателя Совета Народных Комиссаров курсант Федотов.

До начала работы в приёмной оставалось минут сорок — пятьдесят.

Тишина. Никого, кроме часового, нет.

А тут входят крестьяне-ходоки и показывают пропуск.

Часовой проверил пропуск, предложилходакам сесть и немного подождать.

Но крестьяне садиться отказались, а словно по команде сняли шапки и стали кланяться часовому в пояс, как представителю власти.

Федотов смутился и говорит им:

— Что вы, отцы? Это ведь не прежние царские времена. Садитесь, успокойтесь и не вздумайте ещё Ленину поклоны отвешивать. Он этого не любит. Владимир Ильич — человек простой, как все рабочие и крестьяне. Недаром и правительство у нас называется рабоче-крестьянским.

Курсант спросил крестьян, откуда они.

— Смоленские, — ответили ходоки.

— Значит, земляки мне будете, — улыбнулся курсант крестьянским делегатам.

Тут ходоки окончательно повеселели и начали Федотову выкладывать свои жалобы.

Оказывается, к ним в сельский Совет пробрались богатеи, захватили власть, обижают бедняков, нарушают советские законы. Вот крестьянский сход и послал их в Москву к Ленину с жалобой на обидчиков.

— Владимир Ильич поможет, — сказал курсант, — разберётся, и виновных обязательно накажут.

Тут как раз наступила смена часовых. Федотову интересно было узнать, как решил дело земляков Владимир Ильич. Он попросил разрешения начальника караула и, освободившись, подождал ходоков около здания Совнаркома.

Видит, идут ходоки весёлые, довольные.

— Ну что, поговорили? — спрашивает Федотов.

— Поговорили, хорошо поговорили, — отвечает курсанту самый старей из крестьян. — Ильич усадил нас первым делом, и сам сел рядом. Начал выпрашивать и про урожай, и про налоги, и про кулаков. Слушает и записывает себе в книжечку. А под конец беседы говорит: «Разберёмся. Можете быть спокойны. Скажите крестьянам: больше не будет у вас таких непорядков».

Когда ходоки вместе с Федотовым подошли к кремлёвским воротам, они сказали часовому:

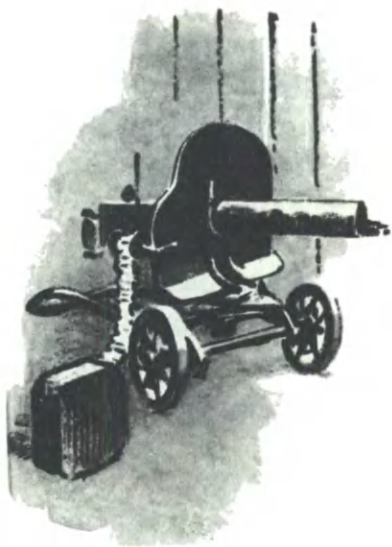
— Ленина видели. Очень душевный человек. Всё обстоятельно разъяснил. Спасибо!

Так сказали, словно частица этого «спасибо» и к часовому относилась.

А тот проверил пропуск, есть ли подпись и печать, и молча кивнул:

— Ясное дело — Ленин!

Через некоторое время Федотов прочитал в газете, что в том самом селе Смоленской губернии, откуда родом знакомые ему крестьяне, арестованы кулаки, которые пробрались в сельский Совет и творили там беззакония.

ИВАН ИВАНОВИЧ

На кремлёвских пулемётных курсах учились три девушки: Анна Новикова, Эльза Глазер и Лиза Барская.

Анна и Эльза ещё в 1919 году стали красными командирами.

Анна была направлена в отряд товарища Камо, человека необыкновенной храбрости. За участие в бою под Орлом она была представлена к ордену Красного Знамени. Эльза Глазер долгие годы работала чекистом.

Ещё до поступления на курсы Лиза вместе с Анной Новиковой служила в отряде Камо. Камо во времена царизма работал в подполье, выполнял важные поручения партии. А в годы гражданской войны создал партизанский отряд, и этот отряд наносил белым удар за ударом. Отряду удалось под Орлом захватить в плен белых—заклятых врагов Советской власти.

Командир поручил охрану пленных нескольким бойцам, в том числе и Лизе Барской.

Лиза вместе с товарищами доставила пленных по назначению. А затем была направлена на пулемётные курсы в Кремль.

Девушка-курсант несла нелёгкую караульную службу наравне со всеми. Товарищи называли её Иваном Ивановичем, так же как раньше Анну Новикову.

Когда к ней обращались, Лиза отвечала так, будто она и в самом деле мужчина:

— Явился по вашему приказанию!

Или:

— Прибыл для несения службы!

И тот, кто не знал Лизу, думал, что перед ним молоденький курсант. Стриглась Лиза коротко, по-мужски, носила общую для курсантов форму: гимнастёрку, галифе.

Владимир Ильич, однако, разгадал «секрет» молоденького курсанта.

Как всегда, он приветливо поздоровался с новым, ещё незнакомым ему часовым и спросил:

— Откуда, товарищ, родом?

И, когда часовой ответил, Ленин поинтересовался: давно ли курсант получал письма из дому? Это был обычный вопрос.

И, услышав, что недавно пришло письмо от матери, спросил строже.

— А вы ответили на письмо?

И тут Лиза забыла, что она Иван Иванович, оробела и выпалила:

— Нет, Владимир Ильич, ещё не написала. . . Не написала. . . — поправилась она.

Но было уже поздно.

Ильич спросил участливо:

— Не трудно ли вам нести караульную службу? Не устаёте?

Тем временем Лиза опомнилась, вытянулась в струнку и звонким мальчишеским голосом ответила:

— Курсант на посту не имеет права уставать.

Ленин похвалил за такой ответ:

— Это правильно!

И словно признал за девушкой право называться Иваном Ивановичем.

А уходя, погрозил пальцем:

— Матушке обязательно напишите.

Лиза кончила пулемётные курсы и командовала пулемётным взводом. Только после окончания гражданской войны она сменила военную форму на своё обычное платье и стала преподавателем.

ДОРОГА В СНЕГУ

Как-то февральским вечером, после долгой работы у себя в кабинете, Владимир Ильич вышел подышать морозным воздухом. Он постоял молча минуту-другую. Мимо как раз шёл караул.

Ильич поглядел вслед курсантам и заметил, что дорожка, по которой они шли, занесена снегом.

Только что пронеслась метелица, и снег не успели убрать. Шагать было трудно.

Когда караул скрылся за поворотом, Владимир Ильич попросил кого-нибудь вызвать.

Раздался звонок, и через минуту разводящий уже стоял перед Лениным.

— Нельзя ли у вас добыть лопату? — спросил Владимир Ильич.

Лопату принесли. Ленин тут же принялся за дело.

Он работал, как говорят, в охотку. И снег набирал на лопату ловко, высоким треугольничком, так, что он не рассыпался по пути.

Владимир Ильич ещё в сибирской ссылке, в далёком селе Шушенском, не раз вот так же расчищал дорожку к избе, где тогда жил с Надеждой Константиновной.

И теперь он, может быть, вспоминал далёкие годы, заснежённую Сибирь, товарищей по ссылке, знакомых крестьян из Шушенского, с которыми вёл дружбу.

Так и не бросил Ленин лопаты, пока не расчистил дорожку до самого конца.

Сменились часовые, вернулись в караульное помещение. Легко шагали они теперь по расчищенной от снега тропинке.

Каково же было их удивление, когда они узнали, что дорожку расчистил Ленин!

Владимир Ильич тоже был в отличном настроении. Он поработал с удовольствием. И утром встал бодрый, весёлый.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Владимир Ильич начинал работу в одно и то же время. Когда Ленин шёл в свой кабинет, часовые знали: сейчас ровно десять часов утра.

Приходило Владимиру Ильичу время обедать, он обычно уносил с собой из кабинета папку с бумагами, чтобы посидеть дома за неотложными делами.

А затем, после короткого отдыха, в шесть часов вечера снова проходил в кабинет.

Ленин проводил заседания Совета Народных Комиссаров, принимал людей, читал письма, разрезая конверты большими ножницами.

Эти ножницы и сейчас лежат на столе в его кремлёвском кабинете.

После болезни врачи предписали Владимиру Ильичу сократить рабочий день. Ленин должен был чуть позднее приходить в кабинет и чуть раньше отправляться на отдых. И он строго выполнял это предписание.

Казалось, мало что видно часовому с поста. Перед ним дверь, окно да стена с прибитой к ней инструкцией — кого следует пропускать в квартиру и в кабинет Ленина. Но многое примечал человек с ружьём, поставленный на этот пост.

Придёт курсант в караульное помещение и скажет товарищам озабоченно:

— Что-то Ильич бледный сегодня. Не заболел ли?

Или, наоборот, сообщит с радостью:

— Сегодня Ильич вышел из кабинета весёлый. Идёт, улыбается.

Новый режим Ленина был хорошо известен курсантам.

И вот однажды слышит часовой скрип двери и чьи-то шаги.

Это Ильич вышел из своей квартиры и, тихо ступая, чтобы не разбудить домашних, направился в кабинет: видно, подоспели неотложные дела. А время было позднее. Шёл уже второй час ночи.

И столько было тревоги в глазах часового, удивлённого таким поздним появлением Ленина, что Владимир Ильич остановился и сказал, как бы оправдываясь:

— Знаете, товарищ, я ведь совсем ненадолго!

Ильич пробыл в кабинете в самом деле недолго и снова вернулся домой.

С МАЛОЙ ЧЕРТЫ

Среди курсантов пулемётных курсов было много любителей игры в городки.

Они сами изготовляли и рюхи и биты. И, когда оказывалась свободная минутка, собирались в Тайницком саду. Городки — игра азартная, шумная. Народу собиралось много.

Болельщики стояли поодаль и радовались, когда побеждала их команда. Здесь взвод сражался с взводом, рота с ротой.

И на этот раз играли с увлечением.

В пылу игры никто не заметил, как Владимир Ильич подошёл и стал наблюдать за игрой.

Да он сам выдал себя. Не удержался и сказал стоявшему рядом курсанту:

— Ловко, заметьте! Вот это настоящий удар!

Как раз партия закончилась. И Владимиру Ильичу предложили сыграть с курсантами.

Владимир Ильич взял биту, легонько подбросил, словно примерился к ней.

А затем вышел на черту, зажмурил левый глаз, как это делают охотники при стрельбе, размахнулся и, к всеобщему удовольствию, сбил «бабушку в окошке».

Второй битой разбил и «змею». И «заказное письмо» сумел «распечатать». Есть такие фигуры в этой игре.

Хотя Владимир Ильич и был старше любого из игроков почти вдвое, но мало кому уступал. Играл он не торопясь. Прицеливался медленно. И уж если бил, то наверняка.

Играли тогда командами по трое, и та команда, в которую входил Ильич, проигрывала редко.

Владимир Ильич долго затем не показывался на городошном поле, видно, чувствовал себя нездоровым. Но вот как-то пришёл снова и попросил дать ему биту.

— Нельзя вам, Владимир Ильич, — сказал кто-то из игроков. — Больную руку повредите.

Курсанты знали, что у Ленина в это время болела левая, раненая рука.

— Я только разок, — сказал Владимир Ильич, — и то с малой черты. Можно?

Отступив от малой черты, он прицелился и здоровой, правой рукой метко кинул биту.

Курсанты поняли: Владимир Ильич пришёл сюда проверить свои силы.

Он был очень доволен, когда снова попал в цель.

ШЕСТНАДЦАТЬ СВЕЧЕЙ

Стране не хватало топлива. Даже электрические станции получали всё меньше и меньше угля. И многие вот-вот должны были погасить топки.

Все учреждения и те, которые находились в Кремле, пользовались лампочками в шестнадцать свечей, не более.

Владимир Ильич не делал для себя исключений, и, когда задерживался за работой до поздней ночи, на столе в его кремлёвском кабинете горела одна-единственная шестнадцатисвечевая лампочка под зелёным стеклянным абажуром.

Рядом стояли подсвечники со стеариновыми свечами. Это на случай, если электрическая станция не даст тока.

Из-за отсутствия энергии не работали многие заводы и фабрики. Шёл голодный, холодный тысяча девятьсот двадцатый год. Но как раз в этом году, по совету Владимира Ильича, начал разрабатываться большой план электрификации нашей страны. Много новых электростанций надо было построить по этому плану. Эти станции могли осветить всю Россию: и горо-

да, и самые дальние деревеньки, где люди не видели не только электрической лампочки, но и обычной керосиновой с фитильком и ламповым стеклом. Там в избах, как в старину, горели сосновые лучины.

В полутьме крестьянки пряли пряжу, пекли хлеба, а ребята читали букварь, решали задачки и верили, что и к ним придёт электричество.

В тот день, когда произошла история с лампочкой в шестнадцать свечей, свет то и дело выключали: Москва сэкономила электроэнергию для заводов и фабрик.

К Владимиру Ильичу как раз приехал важный гость из Англии, писатель Герберт Уэллс.

Уэллс сочинил много книг, в том числе и о том, какой будет жизнь на земле через тысячи лет. Он считал, что умеет глядеть вперёд.

Ленин рассказал ему о плане электрификации Советской республики. Уэллс был поражён тем, как далеко видит Владимир Ильич.

Сам-то он не мог представить себе нищую Россию богатой, счастливой, щедро залитой электрическими огнями.

Он назвал Ленина «кремлёвским мечтателем».

Ленин, как только кончилась беседа с Уэллсом, проводил гостя и, загасив свет у себя в кабинете, направился домой на отдых. Но вдруг остановился возле часового и с укоризной посмотрел на лампочки, освещавшие коридор.

— Как вы думаете, — спросил Владимир Ильич часового, словно советуясь с ним, — нельзя ли сэкономить ещё одну лампочку? Ведь шестнадцать свечей — это по-старинному два канделябра. Здесь погасим, а где-нибудь в Подмоскovie зажжём.

На посту стоял бывший рабочий из Подольска курсант Киселёв.

Молодой курсант представил себе, как обрадуются свету электрической лампочки в его родном Подольске или в каком-нибудь другом подмосковном городке или деревушке. И тут же выключил одну из двух лампочек.

Киселёв на всю жизнь запомнил коротенький разговор с Владимиром Ильичём, эту небольшую историю о том, как Ленин, работая над планом электрификации России, не позабыл о маленькой лампочке в шестнадцать свечей, которая горела попусту.

ПРЯМО С ФРОНТА

Шёл Владимир Ильич мимо часового, посмотрел на него особенно внимательно и сказал:

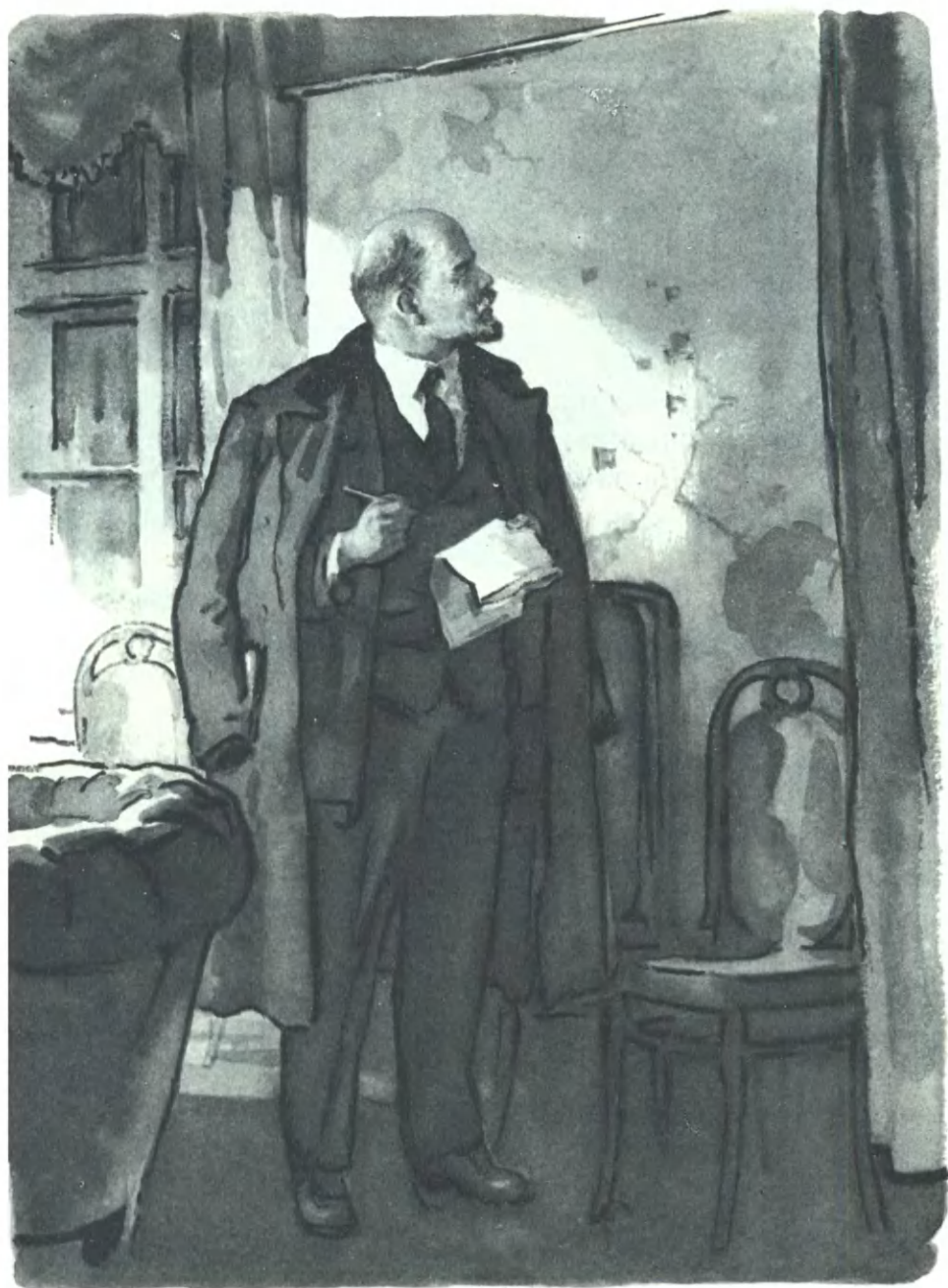
— Что-то давно я вас не видел, товарищ?

Память на лица у Ленина была удивительная, и он хорошо запомнил этого курсанта, который не раз стоял на посту № 27.

— Вы правы, Владимир Ильич, — весело отвечал часовый. — Я действительно малость был в отлучке. Воевать пришлось под Гуляй-Подем.

— И что же, прямо с фронта сюда, на пост? — заинтересовался Ленин. — Ну, как там на фронте? Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

Курсант рассказал Ленину, как бойцы сводной курсантской бригады, куда входили и кремлёвцы, не только выбили белых из Гуляй-Поля, но и помогли местным крестьянам

убрать хлеб. В свободную минуту читали им «Правду» и другие газеты, подробно рассказывали про Советскую власть.

— Вот это хорошо! — сказал Владимир Ильич.

Незадолго до этого разговора Владимир Ильич отметил на карте, что висела у него в кабинете, ещё один город, взятый у белых, — Гуляй-Поле. И ему было особенно приятно узнать, что в боях за этот город принимали участие курсанты Кремля.

Кремлёвские курсанты частенько выезжали на разные фронты. Они сражались и с Юденичем, и с Деникиным, и с Махно — врагами молодой республики.

Выполнят курсанты боевой приказ — и снова в Москву на учёбу, а значит, и на пост № 27 у квартиры Ленина.

Часовым Кремля приходилось учиться и воевать одновременно.

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ

Первого мая 1920 года по всей стране проходил Всероссийский субботник.

Над Москвой в канун этого дня прошёл сильный дождь, примял пыль, словно добрый дворник из ста тысяч шлангов промыл булыжные мостовые столицы. А наутро засияло солнышко.

Должен был состояться субботник и в Московском Кремле.

Курсанты давно собирались очистить от разного хлама Ивановскую площадь.

Там валялись мотки колючей проволоки, лежали каменные плиты — остатки памятника царю Александру Второму — и здоровенные дубовые кряжи, которые предполагалось распилить на дрова.

Работы было много.

Ещё накануне субботника за ужином Ленин объявил домашним, что решил поработать с курсантами-кремлёвцами на Ивановской площади.

Надежда Константиновна с тревогой посмотрела в окно. О стекла дробно ударяли дождевые капли. Она знала, что у Владимира Ильича побаливает после ранения рука, и советовала ему провести «субботник» у себя в кабинете за письменным столом.

— Так-то будет лучше: ведь и у тебя работа не лёгкая.

— Я тоже кремлёвский житель, — отвёл её доводы Владимир Ильич. — Хочу поработать вместе со всеми.

Рано утром Надежда Константиновна приготовила Ильичу костюм попроще: брюки, пиджак да старые ботинки.

Когда курсанты выстроились, чтобы отправиться на работу, к ним подошёл Ленин:

— Позвольте мне присоединиться к вам!

Борисов, комиссар курсов, предложил Владимиру Ильичу стать на правый фланг.

А по всему строю уже пошло от курсанта к курсанту:

— Владимир Ильич на правом фланге. Он будет работать вместе с нами. . .

Тут раздалась команда.

Заиграл оркестр. Куранты Кремля пробили девять раз. Субботник начался.

Владимир Ильич в общем строю зашагал на Ивановскую площадь.

Шли курсанты торжественно.

А сзади к ним пристроились кремлёвские школьники. Они тоже хотели поработать на субботнике.

Вот и площадь у колокольни Иван Великий.

Ленин вместе с комиссаром курсов Борисовым и курсантами стал перетаскивать дубовые кряжи. Это была трудная

работа. Кряжи были очень тяжёлые: их пришлось переносить вчетвером, а то и вшестером. Владимир Ильич старался подставить плечо под самый комель, взять на себя тяжесть побольше.

— Ведь вы старше нас, Владимир Ильич, — уговаривал Борисов. — Не утруждайте себя, пожалуйста! Вам-то уже пятьдесят, а мне только двадцать восемь.

Владимир Ильич отвечал ему:

— Раз я старше — значит, вы должны слушаться меня.

И снова брался за самый тяжёлый конец бревна.

Курсант — высокий крепыш — решил было пойти на хитрость. Шепнул своему товарищу, который нёс бревно рядом с Ильичём, чтобы тот отошёл в сторону, а сам стал на его место. Бревно сразу легло на плечо высокого курсанта, и, конечно, всем стало легче.

Владимир Ильич обернулся и сказал, обращаясь к этому курсанту:

— Плутовать нельзя, товарищ! Идите в свою группу. Мы и сами справимся!

Неподалёку, весело перекликаясь, работали кремлёвские школьники. Они разбирали ограду, подбирали доски и всё это грузили на телегу. А сами посматривали то и дело на Владимира Ильича и курсантов. Им было очень приятно, что и они трудятся рядом с Лениным.

Поработали курсанты и решили устроить перекур.

Откровенно говоря, всем не так хотелось курить, как поговорить с Лениным.

Курсант протянул Ильичу кiset:

— Пожалуйста, Владимир Ильич!

— Спасибо, не курю, — отказался Ленин. — Когда был гимназистом, пробовал, но мама просила не курить. Так я не стал, бросил: не хотел маму огорчать.

Ребята перестали нагружать телегу и слушали этот разговор.

Но вот все отдохнули и взялись за работу.

Комиссар Борисов забеспокоился:

— Не достаточно ли, Владимир Ильич? Ведь у вас есть дела и поважнее.

Ленин в ответ:

— Нет, нет. Сегодня это самое важное. Все должны работать.

Ильич работал вместе с курсантами, пока ему не напомнили, что надо ехать на закладку памятника Карлу Марксу.

Он с сожалением расстался с курсантами и отправился на закладку памятника, прихватив с собой кремлёвского школьника, одного из тех, кто работал на субботнике. Так и сказал ему:

— Молодец, хорошо потрудился, Володя, поедешь со мной на закладку памятника.

Зашёл Ильич домой переодеться — да вот оказия, подмётка у ботинка оторвалась.

Надежда Константиновна даже пожурила его:

— Тебя на такую работу и пускать нельзя. Ботинок не напасёшься.

Сохранилась редкая фотография «Ленин на субботнике в Кремле». Её сделал кто-то из фотолюбителей. Только ребят, к сожалению, не видно за курсантами.

У этого снимка, между прочим, оказалась необыкновенная судьба. Один из австрийских коммунистов выпросил его у московского друга и увёз на родину. Снимок этот обошёл затем многие страны.

И рабочие этих стран видели на фотографии их вождя, их правофлангового, когда он сам, как простой рабочий, переносил дубовые кражи.

Говорят, будто эта редкая фотография побывала даже в тюрьмах, где сидели коммунисты — борцы за народную свободу.

И уже позднее художник Соколов разыскал фотографию, совершившую такое путешествие, и написал известную всем картину «Ленин на субботнике в Кремле».

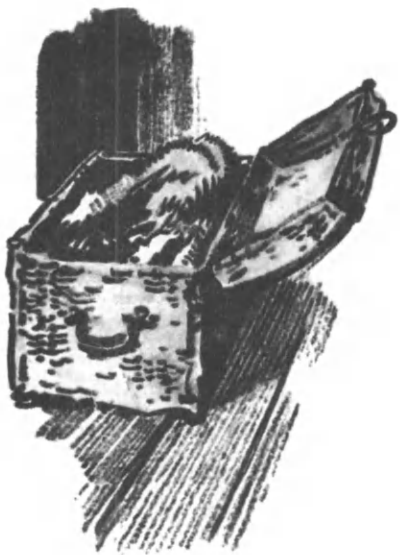
Художник изменил только самую малость. На картине Владимир Ильич не в ботинках, а в сапогах.

Вскоре после субботника состоялся очередной выпуск кремлёвских курсантов. Он происходил как раз на Ивановском плацу, теперь просторном, очищенном от брёвен и мусора.

Парад принимал Владимир Ильич Ленин.

Ленин обошёл длинный строй выпускников, с которыми недавно работал бок о бок, сфотографировался и простился с ними.

Курсанты, теперь уже красные командиры, отправлялись из Кремля прямо на фронт.

ПОДАРОК ОТ ЛЕНИНА

Осень 1920 года была холодная. А впереди предстояла трудная военная зима.

Поёживаясь от ветра, москвичи читали обращение ко всем гражданам страны, наклеенное на афишные тумбы и прямо на заборы:

«Долг каждого гражданина одеть, обуть, согреть наших красноармейцев в холодных окопах. . .

Помните, граждане, что тёплая тряпка может спасти ногу красноармейца от гибели в трудную зимнюю кампанию. . .

Фронту необходимы сапоги, валенки, полушубки, шинели, бельё, одеяла, носки, портянки, рукавицы, варежки, шарфы, тёплые шапки».

Прочитав обращение, люди возвращались домой, открывали сундуки.

Они вынимали тёплые, приготовленные на зиму вещи и относили их на пункты сбора.

Люди шли с узлами по ничем не украшенным улицам, хотя был канун праздника. Москва встречала годовщину Октября без флагов над домами, без лозунгов на улицах и в клубах.

Совет Народных Комиссаров решил не отпускать материю для этой цели.

Всё шло на фронт или в госпитали раненым красноармейцам.

В Кремле тоже работала комиссия по сбору тёплых вещей. Она побывала у всех кремлёвских жителей.

В сборе вещей принимал участие курсант Суворов.

Он не раз стоял на посту возле квартиры Ленина.

Часовой нажал кнопку звонка.

Дверь открыла Надежда Константиновна.

Узнав, в чём дело, она провела Суворова и его товарищей в квартиру, попросила сесть и немного подождать.

Товарищи ожидали с волнением.

Ещё в коридоре они заметили вешалку и на ней пальто Ленина со следами штопки на рукаве. Это, видно, то место на рукаве, которое было пробито пулей. Над пальто висела хорошо знакомая ленинская кепка, рядом его трость да чёрный зонтик.

В столовой, где молчаливо сидели члены комиссии, стояла простенькая мебель: стол, покрытый белоснежной скатертью, простая чайная посуда. Такую курсанты видели и у себя дома.

«Совсем по-простому, по-рабочему живут, — подумал Суворов, — и лишнего-то ничего нет».

Курсанты знали, что Ленин не всегда обедал в столовой, чаще на кухне. Если запаздывал, сам разогревал себе ужин.

Но вот вошла Надежда Константиновна. Она с трудом несла корзину.

Члены комиссии сделали опись вещей. Видно, Надежда

Константиновна отдала почти всё, что было тёплого в семье. Тут был и спальный меховой мешок, и перчатки, и кожаный жилет, и шерстяные носки, и тёплое бельё.

«Попадут эти вещи на фронт, — говорили между собой члены комиссии, — а бойцы, которым они достанутся, даже и не узнают, что служили они когда-то самому Ильичу».

Думая об этом, члены комиссии так разволновались, что позабыли оставить Надежде Константиновне заготовленную по всем правилам квитанцию.

Но едва дверь захлопнулась — вспомнили и попросили часового, который стоял на посту, передать квитанцию Владимиру Ильичу, когда он будет возвращаться в квартиру.

Так часовой и поступил.

КРЕМЛЁВСКИЕ „АРТИСТЫ“

Курсанты Кремля многое успевали делать: и караульную службу несли, и военное дело изучали, и отдыхали неплохо.

Занимались гимнастикой, сражались в футбол, играли на рояле и скрипке, рисовали и лепили в кружках курсантского клуба.

Был в клубе и драматический кружок. Курсанты сами писали пьесы. Кроме курсантов, в клуб приходили рабочие и работницы завода Михельсона — шефы курсов — да постоянные жители Кремля, работники Совета Народных Комиссаров. Спектакли курсантов пользовались успехом.

Пьеса «Красноармеец РСФСР», например, шла много раз в клубах Москвы и Подмосковья. Однажды её показывали даже на сцене Большого театра. Автор курсант и артисты, конечно тоже курсанты, получили приз — мраморные часы.

Один курсант должен был играть в пьесе роль белогвардейского офицера.

Не хотелось ему, да надо, ничего не поделаешь. Должен же кто-то играть и белых.

«Народу собралось много, — вспоминает этот курсант. — Яблоку упасть негде. . .

Но вот начинается спектакль, мой выход! Выбегаю с наганом в руке. А на мне мундир белогвардейца, настоящий, с пленного снятый.

К столбу, который установлен на сцене, прикручен ремнями красноармеец, главный наш герой, тоже курсант, к тому же товарищ по роте. Он приговорён к смерти. На лбу у красноармейца повязка со следами крови. Это краска, конечно, будто он ранен. Красноармеец в ожидании казни поёт «Интернационал»:

Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов! . .

Зрители жалеют бойца — многие повскакали с мест, волнуются.

А я, играющий роль белогвардейца, должен стрелять в этого бойца.

Так в пьесе сказано. Должен, да не могу.

Делаю шаг вперёд. Поднимаю наган: душа не позволяет выстрелить. Повернулся к залу и вместе с тем, кого должен был расстрелять, пою:

Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов. . .

Напрасно суфлёр, тоже курсант, вылезает из будки и подсказывает:

— Стреляй! Стреляй, я тебе говорю, а не пой! . . Ты что, пьесу забыл, что ли?

А я и в самом деле забыл обо всём на свете, стою, пою, и весь зал поёт вместе с нами. . .»

Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной посещал курсантский клуб и присутствовал на выступлениях курсантов — певцов, чтецов, танцоров — и на спектаклях, которые они ставили.

Сколько случаев бывало: выйдет такой «артист» на сцену, оробеет вначале, а поймает ободряющий взгляд Ильича — и сразу смелости прибавится, споёт или прочтёт что-нибудь из Демьяна Бедного, любимого пролетарского поэта, который тоже жил в Кремле и часто бывал в клубе.

Кончит курсант своё выступление и глазами ищет Владимира Ильича.

А тот аплодирует своим кремлёвским «артистам».

Пройдёт час, другой — время идти в караул.

И недавний «артист», награждённый ленинскими аплодисментами, уже стоит на посту у Спасских ворот или шагает с винтовкой в руках вдоль кремлёвской стены, вслушивается в ночную тишину.

**„ЕСТЬ ЛЮДИ,
БОЛЬНЫЕ СЕРДЦЕМ...“**

В здании, где жил Владимир Ильич, есть небольшой лифт. Его установили для того, чтобы сберечь силы Ленина и его помощников. А среди них были уже немолодые люди с больным сердцем. Многие потеряли своё здоровье ещё в царское время в тюрьмах и на каторге.

Однако лифт двигался медленно — полз, а не поднимался, часто отказывал из-за отсутствия тока.

Владимир Ильич, не желая терять дорогого времени, обычно предпочитал идти пешком.

Часовой Василий Иванович Макаров вспоминает, как однажды Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной стояли внизу на площадке в ожидании лифта. Они только вернулись с прогулки. Владимиру Ильичу надоело ждать.

— Что-то наш лифт безнадёжно застрял, я, пожалуй, пойду пешком, — сказал он и начал быстро подниматься вверх.

Остановился на полпути и, подняв голову, шутливо добавил:

— Вы подождите, пожалуйста, а я помогу лифту спуститься.

Едва Владимир Ильич достиг верхнего этажа, как лифт будто послушался его, пошёл вниз.

— Ну, вот видите, — с улыбкой сказал Ленин своим спутникам, когда дождался их. — Я всё же помог нашему лифту.

Однако был случай, когда уже не в шутку, а на самом деле Ленин помог наладить работу кремлёвского лифта.

Ему сообщили, что лифт из-за неисправности не будет действовать три дня. Работники Совета Народных Комиссаров должны будут в эти дни подниматься и спускаться по лестнице.

Хотя сам Владимир Ильич лифтом пользовался сравнительно редко, его возмутил такой бездушный подход к делу, и он написал грозную записку тому, кто ведал тогда хозяйством Кремля:

«Мне сообщили, что лифт не будет действовать 20, 21 и 22 сентября.

Это верх безобразия. Есть люди, больные сердцем, коим подъём вреден и опасен. . .

Объявляю вам строгий выговор, поручаю установить виновных. . .»

Виновные были установлены и наказаны, а лифт исправлен в ночное время, когда в нём не было нужды.

ИСТОРИЯ ФУТБОЛЬНОГО МЯЧА

В том здании, где находилась квартира Владимира Ильича, только в другом крыле, помещалась школа для детей кремлёвских работников, самая обычная московская школа.

Владимир Ильич Ленин из своего кабинета то и дело слышал нетерпеливые школьные звонки и голоса ребят, которые в перемену выбегали на улицу.

Но Владимиру Ильичу это как будто не мешало.

Ему, наверное, было приятно отвлечься на минуту-другую, вспомнить свои далёкие школьные годы, игру в пятнашки и чехарду во дворе Симбирской гимназии.

Кремлёвские школьники тоже играли в пятнашки и чехарду, но втайне уже давно мечтали добыть настоящий футбольный мяч, такой же, каким играли кремлёвские курсанты.

А достать кожаный мяч в те времена было трудно.

Вот школьники и решили обратиться с просьбой к Владимиру Ильичу.

Надо бы подождать, когда Владимир Ильич выйдет на прогулку, и подойти к нему.

Владимир Ильич часто встречался с ребятами, беседовал с ними.

— Что вы только на салазках катаетесь? Чем плохи коньки? — спросил как-то школьников Ленин и предложил: — Возьмитесь-ка сами сделать каток, это дело не хитрое.

И каток был сделан.

Ребята Кремля гордились катком, на котором катались по вечерам даже курсанты.

А вот теперь, летом, как было бы хорошо организовать свою футбольную команду и сразиться с курсантами!

На этот раз школьники решили написать Владимиру Ильичу письмо. Но как его доставить Ленину?

Кто-то из ребят посмелее подошёл к часовому, который стоял на посту, и, когда тот отвернулся, положил конверт неподалёку. Другие наблюдали, что будет дальше.

Часовой сразу заметил конверт, однако не стал поднимать, а вызвал разводящего. Тот поднял письмо и передал по назначению.

Ленин прочитал просьбу школьников и тут же, как и ожидали ребята, распорядился, чтобы им выдали футбольный мяч.

И они получили чудесный жёлтый мяч с резиновой камерой и красивой шнуровкой.

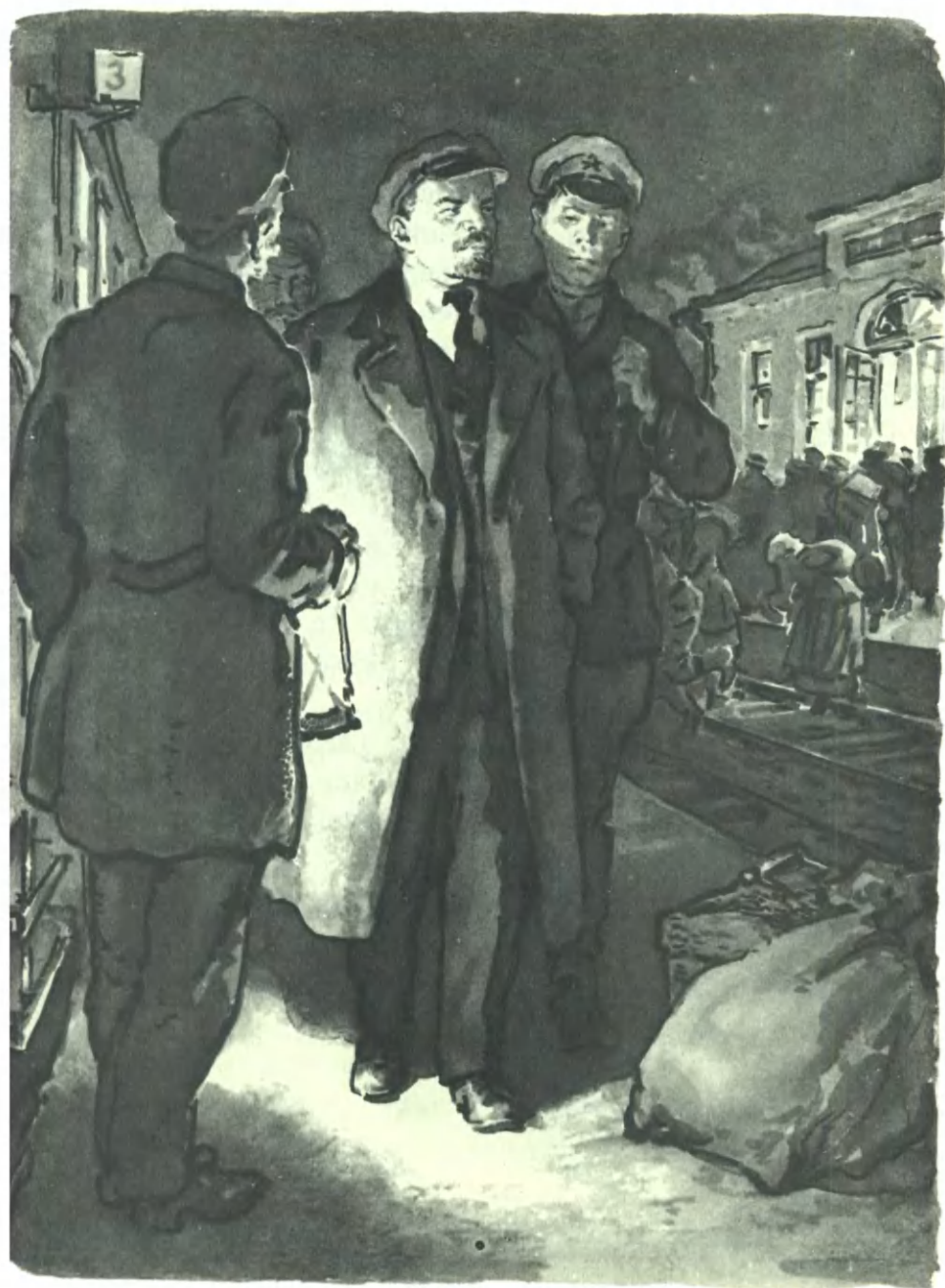
И В ПУТИ ЗА РАБОТОЙ

Владимир Ильич должен был уехать в Петроград для участия в конгрессе Коммунистического Интернационала. Охрану съездов партии и конгрессов Коминтерна несли кремлёвские курсанты; охрана поезда, которым уезжал Ленин и другие руководители партии и правительства, также была поручена курсантам-кремлёвцам. Они гордились этим доверием.

Так впервые пост № 27 был переведён на колёса.

Хотя от Москвы до Петрограда поезд идёт недолго, Владимир Ильич и в пути строго соблюдал свой обычный рабочий режим. И часовым могло показаться, что они по-прежнему стоят на посту у кремлёвского кабинета.

С вечера Владимир Ильич сел за письма и бумаги, что-то писал — может быть, свой доклад или статью для «Правды».

А затем, несмотря на поздний час, беседовал о делах, принимал товарищей, которые ехали вместе с ним.

И только на больших станциях Владимир Ильич ненадолго покидал поезд, чтобы подышать свежим воздухом.

Ленин прохаживался по запруженному людьми перрону, заходил в здание вокзала, прислушиваясь к разговорам пассажиров. Вокзалы в ту пору были переполнены.

Казалось, вся Россия снялась с места и отправилась в путь. Одни ехали на фронт или возвращались из госпиталей домой на побывку. Другие перебирались с детьми из голодного Питера на юг или везли хлеб из сытых южных губерний в Питер. Их разговоры и рассказы не могли не интересовать Владимира Ильича.

Но вот станционный сторож бьёт в колокол — пора ехать. Владимир Ильич садится в вагон, и поезд трогается. И в ленинском купе снова зажигается лампа с зелёным абажуром. Свет её виден на всех станциях и разъездах, мимо которых мчится поезд не останавливаясь.

Часовой поста № 27 не смыкает глаз. У окошка вагона, несмотря на ночь, сидит и трудится Ленин: пишет, читает или, склонившись над картой, обдумывает положение на фронтах и в тылу. Работает даже в пути.

ТАЙНА ОДНОГО СВЁРТКА

Вышел Владимир Ильич из своего кабинета, а в руке у него что-то похожее на краюху чёрного хлеба плохой выпечки. Краюха эта чуть-чуть выглядывала из бумаги, в которую была завёрнута.

«Попадёт, наверное, пекарю, — подумал про себя часовой. — И как только можно таким хлебом людей кормить! . . .»

Владимир Ильич между тем шёл по коридору в самом радужном настроении. И говорил со своим спутником, насколько мог понять часовой, не о пекарне и не о плохой выпечке, а о какой-то электростанции, которую следовало построить как можно скорее.

Часовой услышал обрывок разговора.

— Это отличное и притом дешёвое топливо, поверьте мне, — убеждал Владимир Ильич своего собеседника, — оно вполне заменит уголь.

Сменился часовой и всё время думал: о какой это электростанции говорил Ильич?

В Кремле тогда часто устраивались различные лекции и беседы. Но кинокартины, а тем более новые, были в ту пору редкостью.

В тот вечер в клубе должна была показываться новая картина, куда и пошёл свободный от караула часовой. Народу собралось много.

Только в самом центре были заботливо оставлены несколько кресел. Для кого бы это?

И вдруг курсант видит — в зал входит Владимир Ильич с тем самым свёртком в руке.

Тут погас свет. И началась демонстрация научной кинокартины о добыче торфа.

Пока шёл сеанс, Владимир Ильич давал пояснения.

Сеанс давно кончился, а Ленин всё ещё продолжая беседу с Кржижановским и Винтером—строителем Шатурской электростанции. Эта электростанция как раз и должна была работать на новом тогда топливе — торфе, о котором наш курсант раньше и не слышал.

Все окружили Владимира Ильича тесным кольцом и внимательно слушали его.

Ленин говорил о том, что Донбасс сейчас в руках белых. Многие заводы и фабрики Москвы и Петрограда потому и не работают, что не хватает угля и электрической энергии. . . Между тем, продолжал он, дешёвое топливо — торф—тут, рядом с нами. Торфяные разработки можно начать неподалёку от Шатуры, где строится электростанция.

Владимир Ильич раскрыл свёрток, который был у него с собой.

Ну конечно, это был не чёрный хлеб — как не заметил тогда курсант! — а кусочек торфа. Впрочем, и в самом деле похожий на краюху чёрного хлеба.

Торф рассматривали сначала собеседники Владимира

Ильича, а затем и все остальные. Ленин тем временем разъяснил, что у нас несметные запасы этого топлива, что за ним не надо спускаться глубоко в землю, как за углем. И что главное — торф можно добывать с помощью машин. Машина, добывающая торф, и была показана на экране.

Поглядывая на курсантов, Ленин сказал, что скоро кончится война и молодым людям надо подумать о новых, уже мирных профессиях. И тут же посоветовал устроить экскурсию в Шатуру.

Вот как много интересного таил в себе свёрток, который вынес однажды из своего кабинета Владимир Ильич Ленин!

РАЗГОВОР О КНИГЕ

Курсант Алексеев сидел с книгой в руках на скамейке в Тайницком саду.

— Что читаете, товарищ курсант? — неожиданно услышал Алексеев. Он поднял голову и увидел Ленина.

Курсант вскочил, взял под козырёк и протянул книгу Владимиру Ильичу.

— «Война и мир» Льва Николаевича Толстого, — сказал Алексеев.

Это был старенький, много раз читанный томик из курсантской библиотеки.

Алексеев с увлечением читал то место, где Толстой описывает подвиг капитана Тушина.

Батарею, которой командовал Тушин, осаждали французы. Многие из солдат этой батареи были убиты, иные ра-

нены у лафетов своих пушек, но батарея капитана Тушина продолжала стрелять по французам.

После каждого меткого выстрела Тушин награждал себя затяжкой из трубки. . .

Владимир Ильич взял в руки книгу, осторожно разгладил смятую страницу, перевернул её, прочитал вслух несколько строк.

Читал он чётко, с чувством.

А затем вернул курсанту книжку и сказал:

— Хорошо! Как хорошо! — И добавил: — Удивительная вещь. Читаешь и каждый раз открываешь всё новое и новое, что раньше как-то ускользало от тебя. . . Пройдёт немного времени, — посоветовал Ленин курсанту, — перечитайте эту книгу снова. Она вам понравится ещё больше.

Это был хороший совет.

Человек с каждым годом становится более зрелым и книги уже не глотает, как в годы детства и юности, а читает и перечитывает медленно, наслаждаясь каждой строчкой.

Не раз потом Алексеев, большой любитель чтения, вспоминал этот ленинский совет.

МЕШОЧЕК С РИСОМ

В гражданскую войну фронт получил из тыла и оружие, и снаряды, и тёплую одежду, и продовольствие — всё, что требовалось для победы над белогвардейцами.

Однако бывало так, что и в тыл шли эшелоны с продуктами, добытыми у врага в бою.

Тыл голодал, и красноармейцы делились с рабочими Москвы и Петрограда своими трофеями, а то и фронтовым небогатым пайком. Адрес у эшелонов был самый короткий:

«Москва, Кремль, Ленину».

Как-то от бойцов Южного фронта пришёл в адрес Ленина состав с мукой и небольшим количеством риса.

Часть продуктов доставили прямо в Кремль. Надеялись, что и Владимир Ильич отведаёт плов из риса, который бойцы с опасностью для жизни отняли у врага. У склада поставили часового.

К машине, которая привезла с вокзала муку и рис, подошли Ленин и Дзержинский.

Часовой-курсант стал свидетелем такого разговора.

Ленин посмотрел на рис, даже набрал его в горсть и бережно положил обратно.

— Чудесный рис! — сказал он одобрительно. — Феликс Эдмундович, — обратился Ленин к Дзержинскому, — из этих продуктов в первую очередь накормите, пожалуйста, воспитанников детских домов. Ведь вы их опекуны.

Дзержинский коротко ответил Ленину:

— Спасибо, Владимир Ильич. Так и будет сделано. — И добавил: — Дети будут очень благодарны за этот подарок.

Когда Ленин и Дзержинский отошли, продолжая беседовать, водитель машины, пожилой, усталый человек, вынул из-под сиденья своей кабины не очень чистую наволочку — там было с полкилограмма риса — и молча отнёс этот мешочек на склад.

Оказывается, подметая кузов, шофёр собрал остатки риса — хотел промыть его, очистить от мусора и сварить себе кашу.

А после того, как он услышал разговор Ленина с Дзержинским, не смог взять и крупинки.

ГОСТЬ

Приехала в Москву делегация английских рабочих. Владимир Ильич решил показать гостям Кремль.

В это утро на Ивановской площади курсанты занимались строевой подготовкой.

Делегаты остановились.

Они залюбовались выправкой будущих красных командиров.

Командир отдал команду «смирно» и подошёл с рапортом к Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину.

Владимир Ильич приложил руку к козырьку кепки и принял рапорт.

Затем прозвучала команда «вольно».

И тогда Ленин сказал своим спутникам:

— Вы интересовались, кем были ещё вчера наши курсанты? Они вам могут ответить.

Один из англичан подошёл к правофланговому и спросил на ломаном русском языке:

— Где вы работали раньше, до службы в армии?

— Шахтёр. Из Донбасса, — ответил курсант.

Тогда англичанин засучил рукава и показал руку, всю в синих шрамах. Это были следы ран и царапин, полученных в забое.

По этим отметинам шахтёр любой страны всегда узнаёт шахтёра.

Внимательно слушал Владимир Ильич этот разговор, иногда помогая англичанину найти нужные русские слова. Ему было приятно, что английский шахтёр так дружески разговаривает со своим русским товарищем.

И англичанину, по всему было видно, интересно узнать, кто такие кремлёвские курсанты, которыми так гордится Владимир Ильич Ленин.

Но вот гость подходит к другому курсанту и задаёт тот же вопрос: кто он, откуда, — словно хочет ещё раз убедиться, кто такие солдаты Ленина, будущие красные командиры.

— Батраком был, у помещика. Родом из Белоруссии, — чётко ответил курсант.

— Давно ли и где воевали?

А тот в ответ:

— Под Мурманском, с англичанами.

Север нашей страны в то время был захвачен английскими войсками.

Англичанин помрачнел.

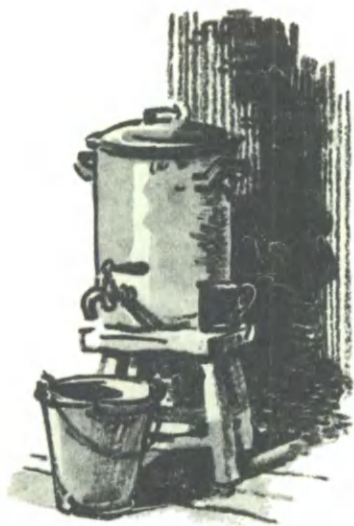
— Наши рабочие сделают всё, чтобы английские войска ушли из Советской России. Даю вам слово! — И простился с обоими курсантами: шахтёром и крестьянином.

После отъезда английских делегатов на их родине были созданы комитеты, которые так и назывались: «Руки прочь от Советской России!»

И шахтёр с синими шрамами на руке участвовал в этом движении.

Он не забыл слово, данное курсантам — шахтёру и крестьянину.

Под напором рабочих английское правительство отозвало своих солдат из России.

У КУРСАНТОВ В КАЗАРМЕ

Ленин не раз заглядывал к курсантам в их казармы, интересовался, как они живут.

Как-то Владимир Ильич зашёл в казарму поздно ночью.

Дневальный собрался было подать команду и отпрапортовать Председателю Совета Народных Комиссаров как положено, но Ленин остановил его:

— Пожалуйста, не надо. Пусть отдыхают!

И Владимир Ильич стал осматривать помещение. Заметил сырость на стене и тут же спросил озабоченно:

— Холодно у вас?

— Разве только днём прохладно бывает, Владимир Ильич. А ночью, когда малость подтопят да надышат — вроде потеплее, — ответил дневальный.

Ленин подошёл к баку с питьевой водой. Поднял крышку — а там пусто.

И тут между дневальным и Лениным произошёл разговор, который на другой же день стал известен всем курсантам.

— Мы воду не кипятим, пьём сырую из крана, — сказал дневальный и стал доказывать Владимиру Ильичу, что у них в деревне пьют сырую воду и никто не болеет, даже наоборот, все здоровы.

— Какую же воду советует пить врач? — спрашивает Ленин. И глаза хитро прищурены.

— Кипячёную.

— Вот вы и слушайте врача, — заключил Владимир Ильич. И добавил примирительно: — Я тоже люблю сырую, но только чистую, ключевую.

Как раз незадолго до посещения казармы Владимир Ильич распорядился во всех помещениях Совета Народных Комиссаров поставить графины с кипячёной водой и по несколько стаканов для сотрудников и посетителей. Он сейчас, наверное, вспомнил об этом и сказал дневальному уже строже:

— Требования врачей надо выполнять.

Владимир Ильич пошёл дальше по казарме и заметил, что у одного из курсантов сползло одеяло. Нагнулся и осторожно поправил одеяло.

Курсанты вставали рано. Повара с ночи готовили для них завтрак. И Владимир Ильич решил проверить, как кормят курсантов.

Пришёл на кухню, увидел поваров за работой и попросил дать ему попробовать то, что они готовят.

Владимир Ильич сказал повару:

— Вы только мне сверху, где жир плавает, не давайте, а размешайте хорошенько поварёшкой.

Повар перемешал суп, налил Ильичу. А затем дал ему попробовать и каши.

Ильич попробовал суп и кашу и остался доволен работой поваров.

ЛЕНИН БОЛЕН

Ленин заболел. Ильичу плохо. Эта печальная весть быстро разнеслась по Кремлю.

Учительница школы, которая находилась в Кремле, написала на доске мелом:

«Дети! Владимир Ильич болен. Ведите себя тихо».

И ребята, даже совсем маленькие — первоклассники, говорили теперь шёпотом. А старшие до поры до времени положили в шкаф тот самый мяч, который им подарил Ленин.

Курсанты, направляясь на караул, уже не отпечатывали шаг, как прежде. Они сменили шнурованные ботинки-венгерки с подковами на обычные — с обмотками. От удара подковок о кремлёвскую мостовую шёл металлический звон, и это могло беспокоить больного.

Комендант Кремля отдал распоряжение: не петь в строю.

Владимир Ильич давно уже был избран почётным курсантом кремлёвских пулемётных курсов. Ему вручили форму: шинель с красными петлицами, шлем с шишаком, ремень с двумя подсумками для патронов — всё, что положено курсанту.

И каждое утро на поверке громко выкликали:

— Почётный курсант первого пехотного батальона, первой роты, первого взвода, первого отделения Владимир Ильич Ульянов-Ленин!

И командир отделения отвечал за курсанта Ленина:

— Почётный курсант Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ульянов-Ленин занят выполнением служебных обязанностей.

А теперь командир отделения ответил с нескрываемой тревогой в голосе:

— Почётный курсант Владимир Ильич Ульянов-Ленин болен.

И комиссар зачитал приказ по батальону:

— «Почётного курсанта первого пехотного батальона, первой роты, первого взвода, первого отделения товарища Ленина Владимира Ильича полагать больным».

Как же обрадовались курсанты, когда узнали, что здоровье Владимира Ильича стало лучше!

Ещё ранее был снят запрет, наложенный на песни. Это было сделано по просьбе Владимира Ильича, который как-то поинтересовался у домашних:

— Почему курсанты больше не поют? Что-то я давно не слышал их песен.

Все знали, что Ильич любил слушать, как пели курсанты, шагая на строевые занятия или возвращаясь в казармы.

И вот курсанты Кремля снова увидели у открытого окна Ленина, слушающего их пение.

Ильичу лучше, Ильич выздоравливает!

С ЛОДКОЙ В ГОРКИ

Врачи предписали Владимиру Ильичу отдых. Он жил теперь в Горках под Москвой.

Возле дома раскинулся тенистый сад. А внизу текла тихая речка Пахра.

Владимиру Ильичу стало лучше, и врачи разрешили ему купаться и кататься на лодке. Только недолго, чтобы не утомлять себя.

Но вот беда — обыскали все сараи старой усадьбы, а подходящей лодки не оказалось. Всё какие-то развалюшки. Того и гляди ко дну пойдут.

Простую одновесельную лодку разыскали в Москве. Доставить её комендант Кремля приказал двум кремлёвским курсантам — Скобелеву и Гальченко.

Они приняли это поручение с радостью: увидят Владимира Ильича, узнают, как он себя чувствует, передадут привет от курсантов.

Быстро погрузили лодку в машину.

Она была почти новенькая. И вёсла были под стать лодке — лёгкие и крепкие.

Выехали курсанты на рассвете. День обещал быть солнечным.

Всем хотелось, чтобы лодка была сегодня же спущена на воду. Вдруг Ильич захочет сесть за вёсла в такой денёк!

Вот и белый дом на горе.

Тихо и в доме и в парке. Может быть, там все спят? Шофёр повёл машину медленно-медленно. Наконец машина остановилась.

Курсанты бесшумно сняли лодку. Осмотрели её ещё раз — всё в порядке. Лодку спустили на воду, сели в неё, немного погребли.

— Хорошо идёт, легко!

Только успели курсанты вытащить лодку, смотрят — Владимир Ильич идёт к реке по тропинке с полотенцем в руках.

Увидел лодку и удивился:

— Смотрите-ка! Ведь ещё вчера лодки здесь не было! Где только нашли такую красавицу?

Скобелеву и Гальченко приятно было это слышать.

Владимир Ильич усадил курсантов рядом с собой на скамейку и хотел поговорить с ними, но шофёр грузовой машины, что ждала неподалёку, подал сигнал: пора, мол, ехать, — на поминал, чтобы не утомляли Ильича разговорами.

Курсанты попрощались с Лениным и отправились в обратный путь.

Едут довольные: повидали Владимира Ильича.

И только уже на полпути вспомнили, что не спросили Ленина, как он себя чувствует.

Что же теперь они скажут товарищам?!

Но решили: лучше Ильичу, дело его безусловно идёт на поправку, если в лодке разрешили кататься. Да и с виду Ильич бодрый и весёлый. Походка у него, как прежде, быстрая и стремительная.

Так и сказали курсантам.

Это была добрая весть.

Владимир Ильич в самом деле вскоре вернулся в Кремль и приступил к работе.

ЛЕНИН СМОТРИТ В ДАЛЬНОМЕР

Кремлёвским курсантам приходилось заниматься и днём и вечером. Они должны были пройти курс за очень короткое время. Их ждал фронт.

Стрелять они ходили на Ходынское поле. Теперь оно называется Октябрьским.

Поля там, конечно, уже никакого нет. На его месте высятся жилые корпуса. Улица как улица.

И о самом стрельбище, куда ходили через весь город курсанты, помнят только старики.

Бывало, вернутся курсанты со стрельбища усталые, отдохнут немного и продолжают занятия уже в Кремле с увеличительной трубой — дальномером.

Наведут дальномер на какую-нибудь заводскую трубу за Москвой-рекой и тут же определяют, какое до завода расстояние.

За этим делом во время прогулки по Кремлю Владимир Ильич застал курсантов и решил поглядеть в дальномер.

Он и раньше умел определять расстояния, но только на глазок, приблизительно.

Несколько раз Владимир Ильич наводил дальномер.

И тут же узнавал, что это за фабрика или какой это завод. На многих из них он бывал не раз.

Ленин задержался у дальномера и долго смотрел на лежащую внизу, под кремлёвским холмом, Москву.

А Москва в те годы была не та, что нынче.

Вдоль всего Замоскворечья тянулись каменные купеческие особняки. Над ними возвышались церковные шпили да редкие заводские трубы.

Москва-река была мелководная, без гранитных берегов. Большие теплоходы не ходили по ней, как теперь. Редко, редко проплывёт какой-нибудь колёсный буксир.

Курсанты отошли и молча ждали. Им казалось, что Ленин видел не Москву тех лет, а прекрасную столицу будущего, ту, которую мы знаем с вами сейчас, город красивых зданий, тенистых парков, прямых проспектов.

Ленин глядел в дальномер и видел не только далёкое, но и будущее.

КАК ИЛЬИЧ ЛОВИЛ КОТЁНКА

Всем известно, что Владимир Ильич любил животных. И они будто чувствовали это.

Есть такая фотография: сидит Ильич в саду на скамейке, читает книгу, а на коленях у него сибирский кот Пушок. Ильич держит книгу на весу, хотя ему читать так неудобно. Это чтобы не потревожить сон Пушка.

В кремлёвской квартире у Ильича жил другой кот, ангорской породы.

Его подарил Ленину бесстрашный революционер Камо. Ангорский кот был любимцем Владимира Ильича. И иногда даже провожал Ленина от квартиры до зала заседаний. Хитрый кот садился под кресло Ленина, отлично зная, что оттуда его никто не выгонит.

Кот был страшный баловень.

Чуть откроют дверь в квартире, он уже норовит в коридор выскочить. То на сапог часового заберётся, то носится по длинной ковровой дорожке словно угорелый.

Владимир Ильич сам заботился о пушистом шалунишке.

И когда уезжал на рыбную ловлю, то обязательно приводил ему что-нибудь из своих рыбацких трофеев: пескарей или другую мелочь.

Раз стоит часовой на посту и видит, как открывается дверь из квартиры Ленина. Владимир Ильич идёт к себе в кабинет, а за ним молнией проносится его любимец.

Владимир Ильич норовит поймать кота и водворить его на место, а тот — от него.

— Рад бы помочь Ильичу, — рассказывал курсант часом позже в караульном помещении, — да сами понимаете — не могу. Винтовка у меня, да и отвлекаться от поста не положено. . . А тут ещё Владимир Ильич говорит, словно мысли мои читает: «Не беспокойтесь, товарищ курсант, сам расправлюсь с разбойником».

Кот-баловень носится из угла в угол, словно игру затеял. Однако не уйти ему. Остановился Ильич, будто перестал искать, а сам давно приметил под уголком ковра мягкий комочек. Но виду не подаёт.

Подошёл неслышно — и вот котёнок у него в руках.

Сидит себе спокойно, словно понимает, что игра окончена.

Владимир Ильич, весёлый и довольный, направился с пушистым котом в квартиру, приговаривая:

— Будешь у меня, шалун, бегать, будешь? . .

КРЫНКА МОЛОКА

Как-то Владимир Ильич узнал у курсанта Фёдора Шорихина, что тот, хотя родом из Подмосковья, да дома так и не бывал с самого фронта.

И вот через несколько дней Шорихина вызвали в штаб. Курсанту сообщили, что по указанию Ленина ему даётся недельный отпуск.

Вручили письмо с просьбой оказать матери Шорихина необходимую помощь.

Курсант вернулся из отпуска в отличном настроении, в доме всё хорошо устроилось.

Сельский Совет отпустил лес, помог купить корову. За время побывки Шорихин успел поправить крылечко и крышу.

А тут ещё радость: пришла весточка с фронта от брата.

Вернулся Шорихин в Кремль с наказом от матери: передать Владимиру Ильичу её подарок — крынку топлёного деревенского молока.

Она была мастерица топить молоко.

Долго Фёдор отговаривал мать, уверял её, что Владимир Ильич подарков не принимает, но всё же согласился взять крынку в надежде, что Владимир Ильич отведаёт деревенского молочка.

Шёл Шорихин к квартире Ильича и думал, как бы передать эту крынку с топлёным молоком. Он решил подождать, когда Владимир Ильич выйдет на прогулку. Дело как раз было под вечер. Будет время и привет и подарок передать.

Но ещё по дороге встречается ему знакомый курсант и передаёт: Ленин болен и по предписанию врачей снова уехал в Горки.

Печальный ушёл в казарму Фёдор Шорихин.

Так и не удалось ему выполнить материнский наказ — угостить Владимира Ильича деревенским топлёным молоком.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД

Больной Ленин жил в Горках, а у его кремлёвской квартиры по-прежнему стояли на карауле курсанты объединённой военной школы имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Так стали называться с февраля 1921 года кремлёвские пулемётные курсы. Они готовили не только пулемётчиков, но и командиров разных специальностей: артиллеристов, кавалеристов, сапёров.

Не радостно, как бывало, а с грустью отправлялись кремлёвские курсанты на пост № 27. Не открывалась больше дверь ленинского кабинета, не выходил оттуда своей лёгкой и быстрой походкой Владимир Ильич. Не слышали по утрам часовые такое знакомое: «Здравствуйте, товарищ курсант».

Но вот 19 октября 1923 года привычно зашумел лифт. У часового даже сердце радостно ёкнуло: «Неужели Ленин?!»

Курсант невольно подтянулся.

Открылась дверь, и часовой увидел Владимира Ильича. Ленин был бледен. Тяжёлая болезнь оставила свои следы. И всё же Владимир Ильич по-прежнему ласково улыбнулся часовому, словно хотел этим сказать: «Ничего, не беспокойтесь, всё в порядке».

Он побывал в своём кабинете, отобрал несколько нужных книг. А затем заглянул на минутку в зал заседаний.

И вскоре уже снова был в своём автомобиле, который поджидал его у входа внизу.

В это время на плацу перед зданием Совнаркома шли строевые занятия. Командир, заметив Владимира Ильича, скомандовал курсантам:

— Смирно! Равнение направо!

И все повернули голову в ту сторону, где был Ленин.

Автомобиль медленно выехал из Кремля.

Коротенькая остановка у ворот. Часовой заглянул в машину и козырнул Владимиру Ильичу.

Это был последний часовой Кремля, который видел Ленина.

И вот машина неторопливо едет по городу.

Перед Владимиром Ильичём уже не Москва 1918 года с сугробами снега на мостовых и разрушенными домами. И не та, которую он внимательно, словно книгу перечитывая, рассматривал в дальномер в 1921 году.

Это была Москва 1923 года. Улицы приводились в порядок. Город понемногу начал отстраиваться. То тут, то там виднелись строительные леса.

Владимир Ильич любовался новой Москвой. Он попросил показать ему Всероссийскую сельскохозяйственную выставку. Она должна была открыться там, где теперь Центральный парк культуры и отдыха имени Горького.

Ленин прощался с Москвой. Машина направилась в Горки.

ВСЕГДА НА ПОСТУ

Красная площадь. Мавзолей. Венки, прислонённые к мрамору стен. Двое часовых лицом к лицу у входа.

Это часовые Кремля. При свете луны поблёскивают короткие штыки-кинжалы. Бьют куранты. И тут же слышен чеканный шаг. Идёт смена. . . Тихо звучат слова команды:

— На пост. . . марш!

И уже другие двое становятся у дверей Мавзолея.

Часовые стояли здесь в суровый 1941 год, когда враг был у самых ворот столицы.

Несли караул и в 1945 году, когда советские воины — участники парада Победы — кидали к подножию Мавзолея знамёна вражеских дивизий и полков.

Стояли днём и ночью, в стужу и в жару. Год за годом. Десятилетие за десятилетием. Стоят и поныне.

Не раз приходилось часовым Кремля отлучаться с поста почёта на фронт. А затем возвращаться на этот пост с боевыми наградами, с золотыми и серебряными нашивками, значками боевых ранений.

Успели поседеть первые часовые Кремля. Это они приняли пост почёта у Мавзолея в дни, когда не стало Ленина.

Давно школа ВЦИК, ныне Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР, перебралась из Кремля на новые просторные квартиры. На часах у Мавзолея стоят теперь молодые солдаты Советской Армии. Они приняли пост у курсантов Кремля, как некогда сами курсанты-пулемётчики у латышских стрелков.

Этот пост у Мавзолея на Красной площади и есть пост № 1, первый из многих, что несут и на земле, и на море, и в воздухе часовые Советской земли.

Большой путь прошли кремлёвские часовые.

Если бы участников необыкновенной экскурсии по Кремлю, о которой рассказано в этой книге, выстроить, как бывало, на утреннюю курсантскую поверку, много интересного можно было бы услышать о людях, которые стояли на посту у квартиры Ленина.

— Смирно! . . — командует седой командир.

И сначала называет имена товарищей, которых нет на поверке.

Эти часовые поста № 27 отдали свою жизнь за Родину на фронтах гражданской войны: под Гуляй-Подем, Орлом, Ореховом, под Царицыном. А другие погибли, сражаясь с фашистами в Испании под Мадридом, борясь за свободу Монголии под Халхин-Голом. В годы Великой Отечественной войны под Москвой, на Волге, под Ленинградом, Одессой и Киевом, освобождая Прагу и Будапешт, Белград и Бухарест, Софию и Варшаву. . .

Первые часовые Кремля постоят минуту-другую в скорбном молчании, вспоминая погибших товарищей.

Но вот отзовутся те, кто стоит в строю, кто явился на эту поверку. И каждый прибавит к коротенькому «я» своё новое военное звание или новую, уже мирную, профессию.

Два маршала, пятьдесят восемь генералов, сотни полковников были некогда курсантами московской пулемётной школы, часовыми Кремля.

Дальше мы услышим в ответ:

- Профессор. . .
- Мастер. . .
- Архитектор. . .
- Слесарь. . .
- Инженер. . .
- Строитель. . .
- Врач. . .

Иных не окажется на поверке: они далеко от Кремля, от столицы.

И кто-то ответит за товарища:

- Несёт службу за рубежом нашей Родины.

Или:

- Уехал в Заполярье на зимовку.

И по сей день стоят на боевых и трудовых постах ленинские питомцы, часовые Кремля.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога в Кремль	3
Так было	5
Ранение	9
Про картошку	13
Когда вновь заиграли куранты	16
Пост принят	19
Не по уставу	21
Курсант был прав	23
Письмо из деревни	25
Ходоки	29
Иван Иванович	32
Дорога в снегу	35
Однажды ночью	37
С малой черты	39
Шестнадцать свечей	41
Прямо с фронта	44
Правофланговый	47
Подарок от Ленина	52
Кремлёвские «артисты»	55
«Есть люди, больные сердцем...»	58
История футбольного мяча	60
И в пути за работой	62
Тайна одного свёртка	65
Разговор о книге	68
Мешочек с рисом	70
Гость	72
У курсантов в казарме	75
Ленин болен	77
С лодкой в Горки	79
Ленин смотрит в дальномер	83
Как Ильич ловил котёнка	85
Крынка молока	87
Последний приезд	89
Всегда на посту	91

И ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Мар Евгений Петрович

ЧАСОВЫЕ КРЕМЛЯ

Рассказы о Ленине

*

Ответственный редактор
С. М. Пономарёва.

Художественный редактор
Н. З. Левинская.

Технический редактор
С. Г. Маркович.

Корректоры
Л. И. Гусева и Т. Ф. Юдичева

* * *

Сдано в набор 26/X 1962 г. Подписано
к печати 19/I 1963 г. Формат 70×90^{1/16} —
6 печ. л. = 7,02 усл. печ. л. (4,05 уч.-изд. л.).
Тираж 100 000 экз. ТП 1963 № 434.

Цена 24 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза Мини-
стерства просвещения РСФСР. Ленинград,
2-я Советская, 7. Заказ № 752.

Набор произведен на машине «НФА»
при 2-й фабрике Деткниги.

*Прочитайте книги о Владимире Ильиче Ленине, выпущенные
Государственным издательством детской литературы
Министерства просвещения РСФСР*

**Антонов С.
ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ**

**Бонч-Бруевич В.
НАШ ИЛЬИЧ**

**Веретенников Н.
ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ**

**Виноградская С.
ИСКОРКА**

**Воскресенская З.
СНВОЗЬ ЛЕДЯНУЮ МГЛУ**

**Кононов А.
РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ**

**Манрушенко П.
МИНЬКА**

**Мирер С.
ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО**

**Михалков С.
В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА**

**Ульянова А.
ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ИЛЬИЧА**

*Эти книги вы сможете приобрести в магазинах Книготорга и
потребительской кооперации.*

*Книги высылаются также по почте наложенным платежом отде-
лом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книго-
торгов. Можно также заказать книги и через отдел «Книга — поч-
той»: Москва, В-168, ул. 5-я Черемушкинская, 14, магазин Москни-
готорга № 93.*

24 коп.

